ББК 63.3(0)4 УДК 94(497.5)

Д. Е. Алимов

ХОРВАТЫ, КУЛЬТ ПЕРУНА И СЛАВЯНСКИЙ «ГЕНТИЛИЗМ» (КОММЕНТАРИЙ К ГИПОТЕЗЕ АНТЕ МИЛОШЕВИЧА О ТОЖДЕСТВЕ ПОРИНА И ПЕРУНА)

Еще полстолетия назад С. Гульдеску в своей книге об истории средневековой Хорватии обратил внимание на то, что хорваты — это чуть ли не единственный славянский народ, обладавший в раннее Средневековье преданием («сагой») о своем переселении в места нынешнего проживания[1]. Это обстоятельство показалось автору любопытным, хотя и не удостоилось с его стороны подробного комментария, возможно, потому, что для Гульдеску хорваты, пришедшие в Далмацию, были народом готско-аланского происхождения, который, подобно остготам, вестготам, лангобардам, вандалам и прочим «варварским народам» эпохи Великого переселения, обрел новую родину в Средиземноморье[2].

Между тем, предполагаемое наличие у хорватов «племенной саги» о переселении, будто бы выделяющее их среди славян и сближающее с германскими «*gentes*» эпохи Великого переселения, какой бы неточной не казалась нам такая формулировка проблемы, — это то, на чем, действительно, стоило бы сфокусировать внимание в контексте сопоставления процессов формирования племен у славян и германцев. Более того, переселение хорватов в Далмацию в том виде, в каком оно описано в нарративных источниках X–XIII вв., могло бы послужить хорошим материалом для дискуссии

[1] «It does appear curious that the Croats alone, of all supposedly Slavic peoples, should possess a saga or, indeed, several sagas, of the period of their migration to their present habitat» (*Guldescu S.* History of Medieval Croatia. The Hague, 1964. P. 53).

[2] Уподобление хорватов германским «племенам» эпохи Великого переселения было характерно, прежде всего, для сторонников так называемой готской теории происхождения хорватов. О роли этой теории в исследовании хорватского этногенеза см.: *Алимов Д. Е.* Готская теория происхождения хорватов: Pro et contra // ВИС. 2013. Вып. 21. С. 55–74.

© Д. Е. Алимов, 2015

между сторонниками концепции этногенеза Р. Венскуса, детализированной представителями так называемой Венской школы (Х. Вольфрам, В. Поль и др.), и теми, кто, подобно авторам так называемой Торонтской школы (В. Гоффарт, А. Мюррей и др.), отрицает не только большую глубину племенной памяти (*memoria*) варваров, но и ее центральную роль в становлении этнического дискурса за пределами Римского мира[3]. К сожалению, то, что показалось любопытным Гульдеску, за минувшие полвека так никогда и не оказалось в фокусе исследования «варварского» этногенеза, несмотря на характерное для современной медиевистики стремление преодолеть германоцентризм в изучении и интерпретации раннесредневековых *gentes*.

В последнем выпуске авторитетного научного журнала «Starohrvatska prosvjeta», издаваемого Музеем хорватских археологических памятников в Сплите, хорватский ученый Анте Милошевич опубликовал небольшую по объему статью под интригующим названием «Кто такой Порин из 30-й главы *De administrando imperio*?». Ее главный тезис заключается в том, что за фигурой хорватского правителя (архонта) Порина, фигурирующего в 30-й главе трактата византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» (*De administrando imperio*) при описании ранней истории хорватов, когда они поселились в Далмации и приняли христианство, в действительности скрывается не кто иной, как Перун, славянский бог грозы[4]. С мыслью о том, что тезис о тождестве загадочного хорватского правителя и славянского языческого божества, выдвинутый Милошевичем, не только сам по себе интересен, но и может представлять определенное значение для вышеупомянутой дискуссии между сторонниками и противниками теории этногенеза Венскуса, в ходе которой неоднократно звучала критика в адрес элементов, унаследованных ею от такого концепта немецкой медиевистики как «сакральное королевство» (*Sakralkönigtum*), мы сочли полезным своевременно отреагировать на публикацию этого важного текста, обратив внимание, прежде всего, на имплицитно присутствующее в нем новое понимание хорватского этногенеза.

30-я глава трактата «Об управлении империей», содержащая упоминание о хорватском архонте Порине, по мнению, преобладающему в современной историографии, была добавлена в текст трактата, окончательно составленный между 948 и 952 гг., уже после его завершения, причем написана она была не императором Константином, а неким неизвестным автором. Одной из причин для подобной, на первый взгляд, необычной атрибуции является содержательное противоречие между изложенной в 30-й главе версией ранней истории хорватов, в которой они фигурируют как народ,

[3] О концепции Венскуса и развернувшейся вокруг нее дискуссии см.: *Bowlus Ch. R.* 1) Ethnogenesis models and the age of migrations: A critique // Austrian History Yearbook. 1995. Vol. 1995. Vol. XXVI. P. 147–164; 2) Ethnogenesis: The tyranny of a concept // On barbarian identity: Critical approaches to ethnicity in the early Middle Ages / Ed. by A. Gillett. Turnhout, 2002. P. 241–256; *Gillett A.* Ethnogenesis: A contested model of early medieval Europe // History Compass. 2006. Vol. 4. P. 241–260; *Liebeschuetz W.* The debate about the ethnogenesis of the Germanic tribes // From Rome to Constantinople: Studies in honour of Averil Cameron / Ed. by H. Amirav and Bas ter Haar Romeny. Leuven, 2007. P. 341–355; *Heather P. J.* Ethnicity, group identity, and social status in the Migration period // Franks, Northmen, and Slavs: Identities and state formation in early medieval Europe / Ed. by I. H. Garipzanov, P. J. Geary and P. Urbańczyk. Turnhout, 2008. P. 17–49; *Kasperski R.* Problem etnogenezy Gotów w ujęciu Herwiga Wolframa: Refleksje nad metodą // KH. 2011. Rocznik 118. Z. 3. S. 399–430.

[4] *Milošević A.* Tko je Porin iz 30. glave De administrando imperio? // SHP. Ser. III. 2013. Sv. 40. S. 127–134.

независимый от Византийской империи, и тем, что сообщается о славянских княжествах на Адриатике, включая Хорватию, в остальных главах трактата, посвященых политиям этой части Европы (29, 31–36). Более поздняя, по отношению к остальному тексту трактата, датировка 30-й главы, вероятнее всего ограниченная периодом между 955 и 973 гг., определяется при этом двумя сообщениями, относящимися к так называемой «Великой Хорватии» — стране, откуда, по информации трактата, хорваты в свое время переселились в Далмацию. Первое из них говорит о подвластности «Великой Хорватии» Оттону I, правившему с 936 по 973 г., а второе упоминает дружественные отношения ее жителей с венграми, условия для которых могли возникнуть лишь после судьбоносной победы Оттона над венграми в 955 г.[5] Судя по описанию географического положения «Великой Хорватии», содержащемуся в 31-й главе трактата, страной, обозначаемой в трактате этим названием, была держава чешского князя Болеслава I Пржемысловича (935–972 гг.), охватывавшая в середине X в. обширное пространство к северу от Карпат[6].

В составе «далматинского досье» (как с недавних пор стало принято именовать в историографии главы 29–36) выделяется четко структурированный и идеологически выверенный нарратив так называемого «Повествования о хорватах и сербах» (главы 31–36)[7], где оба народа с момента своего появления на Балканах изображаются подвластными и послушными василевсу ромеев: инициатива в поселении в Далмации хорватов и их последующем крещении приписывается здесь византийскому императору

[5] *Hauptmann Lj.* Dolazak Hrvata // Zbornik kralja Tomislava. Zagreb, 1925. S. 96–101; *Grafenauer B.* Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogeneta o doseljenju Hrvata // HZ. 1952. God. V. Br. 1–2. S. 15–32. — См. подробный обзор дискуссии, которая велась в историографии по поводу датировки 30-й главы: *Lončar M.* Porfirogenetova seoba Hrvata pred sudom novije literature // Diadora. 1992. Sv. 14. S. 377–390.

[6] Подробную аргументацию такого отождествления, суммирующую итоги давних наблюдений различных авторов, см. в книге: *Třeštík D.* Mýty kmene Čechů (7.–10. století). Tři studie ke «Starým pověstem Českým». Praha, 2003. S. 82–88. Именование державы Болеслава I Пржемысловича Хорватией не является «ошибкой» ученого императора. Данная полития, представлявшая собой конгломерат «племен», находившихся под более или менее ощутимым контролем Пржемысловичей и тяготевших к ним воинских элит, по определению не могла иметь устоявшегося названия, хотя какие-то хорваты (скорее всего, проживавшие в Силезии), действительно, входили в ее состав. Следует поэтому согласиться с Д. Калхоусом, что различия между источниками, дающими картину сложного племенного конгломерата в Центральной Европе, и трактатом императора Константина, где этому конгломерату присвоено имя «Великой Хорватии», объясняются разными перспективами видения объекта и разными задачами, стоявшими перед авторами (см.: *Kalhous D.* Anatomy of a duchy: The political and ecclesiastical structures of early Přemyslid Bohemia. Leiden; Boston, 2012. P. 75–76). «Великими» в византийской историографии назывались лежавшие за пределами империи области, с которыми связывалось происхождение того или иного варварского народа, проживавшего (с точки зрения Константинополя) в пределах империи (см.: *Wolfram H.* The image of Central Europe in Constantine VII Porphyrogenitus' // Constantine VII Porhyrogenitus and his age: Second International Byzantine conference (Delphi, 22–26 July 1987). Athens, 1989. P. 8–9).

[7] См.: *Ančić M.* Zamišljanje tradicije: Vrijeme i okolnosti postanka 30. glave djela *De administrando imperio* // RZHP. 2010. Knj. 42. S. 142–144. — Выделить этот нарратив в качестве самостоятельного смыслового целого позволяет отсылка к нему, содержащаяся в 29-й главе: «καθ ὃν μέλλει τρόπον ῥηθήσεσθαι ἐν τῇ περὶ τῶν Χρωβάτων καὶ Σέρβλων συγγραθῇ» (*Constantine Porphyrogenitus.* De administrando imperio / Greek text ed. by Gy. Moravcsik; Engl. transl. by R. J. H. Jenkins. Washington, 1967. P. 124). Перевод Р. Дж. Дженкинса: «as will be related in the narrative concerning the Croats and Serbs» (Ibid. P. 125) — «как будет рассказано в повествовании о хорватах и сербах».

Ираклию (610–641 гг.). Своего рода введением к «Повествованию о хорватах и сербах» служит 29-я глава, возможно, составленная чуть позже[8]. В ней, в частности, акцентируются заслуги деда Константина Багрянородного — Василия I Македонянина (867–886 гг.) — по возвращению хорватов и сербов под власть Византии после короткого периода их отпадения от империи в правление императоров Аморейской династии (820–867 гг.). В отличие от названных глав, в 30-й главе византийский император не только не выступает инициатором таких событий хорватской истории, как их переселение в Далмацию и крещение, но и — при описании истории хорватов — не упоминается вовсе, как если бы речь шла не о византийском, а о хорватском историческом сочинении. Это обстоятельство, вкупе с некоторыми эпическими деталями повествования, наводило исследователей на мысль, ставшую со временем *communis opinio* в историографии, что неизвестный автор 30-й главы использовал при ее составлении хорватскую историческую традицию, передававшуюся (по крайней мере, на определенном этапе) изустно[9].

Часть текста 30-й главы, в которой упоминается имя Порина, представляет собой описание взаимоотношений между хорватами, прибывшими в Далмацию, и властвовавшими над ними франками. Этому описанию в 30-й главе предшествует рассказ о переселении хорватов из «Великой Хорватии» в Далмацию, об их войне с прежними господами Далмации — аварами, закончившейся победой хорватов, а также о произошедшем затем отселении части хорватов из Далмации в соседние «Иллирик и Паннонию». Таким образом, история о взаимоотношениях хорватов с франками является составной частью пространного исторического нарратива о становлении Хорватии. Вот ее текст: «В течение нескольких лет хорваты, находящиеся в Далмации, подчинялись франкам, как и прежде, когда они жили в собственной стране. Но франки были настолько жестоки к ним, что, убивая грудных детей хорватов, бросали их собакам. Не в силах вынести этого от франков, хорваты восстали против них, перебив архонтов, которых те им поставили. Поэтому против них из Франгии выступило большое войско. Семь лет длилась их борьба друг с другом, и наконец с трудом одолели хорваты. Они перебили всех франков и убили их архонта по имени Коцилин. С того времени, оставаясь самовластными и независимыми, они попросили Рим о святом

[8] См.: *Ančić M.* Zamišljanje tradicije… S. 142–143.

[9] См.: *Hauptmann Lj.* Dolazak Hrvata. S. 96–101; *Grafenauer B.* Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogeneta… S. 15–32; *Margetić L.* Konstantin Porfirogenet i vrijeme dolaska Hrvata // Zbornik Historijskog zavoda JAZU. Zagreb, 1977. Vol. 8. S. 11–31. — В связи с чем и почему возникла потребность в презентации в трактате новой версии хорватской истории, отличной от той, что уже здесь содержалась? Недавно М. Анчичем было предложено, пусть и сугубо гипотетическое, но довольно логичное объяснение этой необычной ситуации. Исследователь связал появление в Константинополе новой версии ранней хорватской истории с правлением хорватского короля Степана Держислава (969–997 гг.), который, по информации «Истории архиепископов Сплита и Салоны» Фомы Сплитского (XIII в.), восходящей в данном случае к более раннему источнику, первым среди хорватских правителей стал титуловаться «королем Далмации и Хорватии», получив из Константинополя соответствующие инсигнии. Признание за хорватским правителем столь высокого статуса, связанное со стремлением Византии обеспечить эффективный противовес своему основному противнику на Балканах — Болгарии, потребовало, по мнению Анчича, появления соответствующей версии ранней хорватской истории (*Ančić M.* Zamišljanje tradicije… S. 143–147).

крещении. И были посланы епископы, которые крестили их при Порине, архонте хорватов»[10].

В историографии приведенный фрагмент неоднократно подвергался исследовательскому анализу, нацеленному на выявление в нем пресловутого исторического зерна, однако, так по сей день и остался предметом взаимоисключающих суждений. И это неудивительно: какой бы интерпретации изложенного в 30-й главе сюжета не придерживались те или иные исследователи, можно с уверенностью заключить, что как таковой этот сюжет не соответствует историческим реалиям эпохи франкского господства над Далмацией. Этот вывод делается, прежде всего, на основании сопоставления рассказа 30-й главы со сведениями других, более ранних, источников, которые, подтверждая сам факт господства франков над хорватами, осуществлявшегося в разных формах в период с начала IX в. по 878 г., когда к власти в Хорватии пришел византийский ставленник Здеслав (878–879 гг.), не только не упоминают имени Порина, но ничего не сообщают и о таких центральных для рассказа, содержащегося в 30-й главе, событиях как победа хорватов над франкским войском и принятие ими христианства из Рима.

Историки XVII – первой половины XIX в., пытаясь примирить сведения 30-й главы с информацией имевшихся в их распоряжении источников о хорватских правителях IX столетия, считали возможным поместить правление хорватского архонта Порина в период между Владиславом, упомянутым в «Анналах королевства франков» под 821 г. в качестве нового *дукса*, принявшего власть над Далмацией после смерти своего предшественника Борны, и Миславом, непосредственным предшественником хорватского *дукса* Трпимира, правившим в 830-е гг. Впервые подобное решение предложил еще Шарль Дюканж, после которого подобным же образом рассуждали Даниэле Фарлати, Иштван Салади (Stephanus Salagius), Франо Пеячевич, Йосип Микоци и Павел Йозеф Шафарик. Описанные в 30-й главе события хорватской истории (войну с франками и крещение) они ставили, в сущности, в один и тот же период с незначительными расхождениями: между 825 и 832 гг. (Фарлати, Пеячевич, Микоци), между 828 и 835 гг. (Салади), между 825 и 830 гг. (Шафарик)[11]. Подобная датировка, однако, ставила перед исследователями ряд трудно разрешимых вопросов, главными из которых были необходимость объяснить крещение хорватов около 830 г. после того, как они — по сообщению 31-й главы трактата «Об управлении империей» — уже были крещены в правление императора Ираклия, а также согласовать известие о свержении хорватами франкской власти с информацией грамоты Трпимира середины IX в., в интитуляции которой упоминается франкский король Италии Лотарь I (822–844 гг.), очевидно, в качестве верховного сюзерена. Предложенные объяснения выглядели натянутыми и

[10] «Μέχρι δε χρόνων τινῶν ὑπετάσσοντο καὶ οἱ ἐν Δελματίᾳ ὄντες Χρωβάτοι τοῖς Φράγγοις, καθὼς καὶ πρότερον ἐν τῇ χώρᾳ αὐτῶν· τοσοῦτον δε ἐσκληρύοντο ὁι Φράγγοι πρὸς αὐτούς, ὅτι τὰ ὑπομάσθια τῶν Χρωβατων φονεύοντες προσέρριπτον αὐτὰ σκύλαξιν. Μὴ δυνάμενοι δε οἱ Χρωβάτοι ταῦτα παρὰ τῶν Φράγων ὑφίστασθαι, διέστησαν ἀπ᾽ αὐτῶν, φονεύσαντες καὶ οὓς εἶχον ἄρχοντας ἐξ αὐτῶν. Ὅθεν ἐστράτευσαν κατ᾽ αὐτῶν ἀπὸ Φραγγίας φοσσᾶτον μέγα, καὶ ἐπὶ ἑπτὰ χρόνους πολεμήσαντες ἀλλήλοις, ὀφε καὶ μόγις ὑπερίσχυσαν οἱ Χρωβάτοι, καὶ ἀνεῖλον τοὺς Φράγγους πάντας καὶ τὸν ἄρχοντα αὐτῶν Κοτζίλιν καλούμενον. Ἔκτοτε δε μείναντες αὐτοδέσποτοι καὶ αὐτόνομοι, ἐξῃτήσαντο τὸ ἅγιον βάπτισμα παρὰ τοῦ Ῥώμης, καὶ ἀπεστάλησαν ἐπίσκοποι, καὶ ἐβάπτισαν αὐτοὺς ἐπὶ Πορίνου, τοῦ ἄρχοντος αὐτῶν» (*Константин Багрянородный*. Об управлении империей. М., 1991. С. 130, 132 (текст), 131, 133 (перевод)).

[11] Обзор мнений см.: *Šišić F*. Genealoški prilozi o hrvatskoj narodnoj dinastiji // Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu. 1914. Sv. 13. Br. 1. S. 21–23.

спекулятивными: хорватам якобы пришлось креститься два раза, так как в свое время они будто бы вернулись к язычеству, а после победы над франками и крещения они будто бы снова добровольно признали франкскую власть[12].

Неудивительно поэтому, что в середине XIX столетия в работах немецких исследователей Г. Л. Краузе и Э. Дюммлера была предложена новая интерпретация рассказа 30-й главы о борьбе хорватов с франками, согласно которой речь в нем шла не о борьбе с франками далматинских хорватов, а о хорошо известном по источникам восстании против франкской власти Людевита, правителя славян Нижней Паннонии[13]. Кое-что в рассказе 30-й главы действительно перекликается с известиями франкских источников об этом восстании (упоминаемая франкским анналистом со слов Людевита жестокость (*crudelitas*) франкского маркграфа Кадолага, неоднократная отправка в Нижнюю Паннонию большого войска с территории Франкского государства с целью подавления восстания, длительная (пятилетняя) война между франками и славянами). Неудивительно, что данная интепретация, позволявшая к тому же отождествить Коцилина с фриульским маркграфом Кадолагом (краткой формой имени которого, как было установлено впоследствии, являлась форма *Chozil*), а Порина — с правителем Далмации Борной (около 818–821 гг.), показалась удачной многим авторам, а после выхода работ словенских медиевистов Л. Хауптманна и Б. Графенауэра, детализировавших аргументацию в ее пользу[14], и вовсе стала в преобладающей в историографии[15].

К этому необходимо добавить еще одно немаловажное обстоятельство, а именно — сходство имени Порина и хорватского архонта Порги, при котором, согласно 31-й главе, произошло крещение хорватов священниками из Рима по инициативе императора Ираклия. В этой связи в историографии неоднократно высказывалась мысль, что в обеих главах речь идет об одном и том же правителе. Предполагалось, в частности, что имя Порга могло быть результатом ошибочного написания имени Борна (в греческом тексте: Πορνα), когда буква «ν» вследствие небрежности или невнимательности автора записи могла с легкостью превратиться в букву «γ»[16]. Это предположение хорошо вписывалось в развивавшееся Графенауэром представление о большей достоверности исходившей от самих хорватов версии хорватской истории, представленной в 30-й главе, по сравнению с версией 31-й главы, проникнутой стремлением возвеличить роль Византии в событиях хорватской истории. Подобная логика побудила исследователя отнести на счет византийской тенденциозности и саму хронологическую

[12] Ibid.

[13] *Krause H. L.* Res Slavorum in imperiorum occidentalis et orientalis confinio habitantium saeculo IX. Pars I. Berolini, 1854. P. 49–53; *Dümmler E.* Über die älteste Geschichte der Slawen in Dalmatien. (549–928.) // Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Clasee der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Wien, 1856. Bd XX. S. 390–393.

[14] *Hauptmann Lj.* 1) Koje su sile hrvatske povijesti odlučivale u vrijeme narodne dinastije // Zbornik kralja Tomislava. Zagreb, 1925. S. 165–187; 2) Mejna grofija spodnjepanonska // Razprave znanstvenega društva za humanistične vede v Ljubljani. 1923. Kn. 1. S. 344–345; *Grafenauer B.* 1) Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogeneta… S. 30–31; 2) Vprašanje konca Kocljeve vlade v Spodnji Panoniji // ZČ. 1952–1953. Letnik VI–VII. S. 171–190.

[15] Обзор мнений см.: *Ронин В. К.* Франко-хорватские отношения в трактате Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» // ВВ. 1983. Т. 44. С. 61–63.

[16] *Hauptmann Lj.* Konstantin Porfirogenit o porijeklu stanovništva dubrovačkoga zaleđa // Zbornik iz dubrovačke prošlosti Milanu Rešetaru o 70-oj godišnjici života. Dubrovnik 1931. S. 19; *Grafenauer B.* Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogeneta… S. 26.

привязку правления хорватского архонта Порги ко времени императора Ираклия, что, как казалось, подтверждалось отсутствием информации о крещении хорватов в VII в. в других источниках[17].

Однако, какой бы остроумной ни казалась такая интерпретация, принять ее — значит признать, что хорватская традиция обошлась с реальными историческими событиями весьма вольно. Получается, что она смешала Далмацию, чей правитель Борна, как явствует из франкских источников, был на стороне франков и воевал против Людевита, с восставшей против франков Нижней Паннонией, которая оказалась в составе Хорватии никак не ранее X в. При этом имевшее место в действительности поражение Людевита от франков было заменено в хорватской традиции вымышленной победой над ними хорватов, возглавляемых Борной (!). Более того, из франкских источников известно, что Кадолаг, будто бы тождественный Коцилину, не погиб в сражении, а умер во время восстания от болезни, а Борна, якобы идентичный Порину, скончался еще до подавления восстания Людевита, в 821 г. Наконец, совершенно невероятным выглядит в случае отождествления Порина с Борной принятие хорватами крещения из Рима: известно, что в начале IX в. в Далмации действовали священники из Франкского государства, прежде всего, с территории Аквилейского патриархата, не говоря уже о том, что само освобождение хорватов от франкской власти, как уже говорилось выше, произошло лишь в конце 870-х гг.

От перечисленных противоречий, рождаемых отождествлением Порина с Борной, свободно другое истолкование процитированного фрагмента 30-й главы — то, что было предложено в начале XX в. хорватским историком Фердо Шишичем, отождествившим франкского архонта Коцилина из 30-й главы с Коцелом, правителем так называемого «Блатенского княжества» — франкской политико-административной единицы с центром в Блатнограде на озере Балатон. По мнению Шишича, за фигурой Порина скрывается отнюдь не Борна, а хорватский дукс Бранимир (879–892 гг.), сменивший на престоле Здеслава и получивший в 879 г. для себя и своего народа благословение от папы римского[18]. Из «Истории венетиков» Иоанна Диакона (начало XI в.) известно, что за несколько лет до начала правления Бранимира, при Домагое, хорваты совершили военную экспедицию в Истрию, что привело к столкновению с Венецией.

Приблизительно в это же время Карломан, претендовавший после смерти Людовика II на трон королевства Италии, был, по сообщению Бертинских анналов, занят войной с «винидами». Ф. Шишич предполагал, что между этими событиями есть связь, так как Карломан, готовясь завладеть Италией, должен был сначала подчинить вассальный по отношению к королевству Италии хорватский дукат[19]. Между тем, как впоследствии заметил Графенауэр, против гипотезы Шишича свидетельствует прежде всего то, что в Бертинских анналах, где виниды упоминаются 18 раз, это название всякий раз относилось к западным славянам[20].

И хотя у нас нет лингвистических препятствий для отождествления антропонима Коцилин, фигурирующего в 30-й главе, с именем паннонского правителя Коцела, гипотеза Шишича, что Коцел, об обстоятельствах гибели которого ничего неизвестно, будучи верным вассалом императора, сложил голову в войне с хорватами, на которую

[17] *Grafenauer B.* Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogeneta… S. 25–28.
[18] *Šišić F.* 1) Genealoški prilozi… S. 28–48; 2) Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara. Zagreb, 1990. S. 356–360, 386–387.
[19] *Šišić F.* Genealoški prilozi… S. 38–41.
[20] *Grafenauer B.* Vprašanje konca Kocljeve vlade... S. 178–179.

его будто бы направил Карломан[21], остается ничем не подтвержденной догадкой. Наконец, если принять гипотезу Шишича, приходится считаться и с тем, что описываемое в 30-й главе крещение хорватов при Порине нельзя считать в собственном смысле слова принятием новой веры, ведь ко времени правления Бранимира хорватская элита уже давно была христианской.

Важную роль отождествление Коцилина с Коцелом сыграло и в построениях бельгийского византиниста Анри Грегуара, притом, однако, что предложенная им интерпретация рассказа 30-й главы о борьбе хорватов с франками заметно отличалась от толкования Ф. Шишича. Исходя из того, что в 30-й главе повествованию о взаимоотношениях хорватов с франками предшествует известие о том, как хорваты, поселившись в Далмации, частично переселились в «Иллирик и Паннонию», исследователь счел, что описываемые далее события происходили в Паннонии, а именно в «Блатенском княжестве», где в IX в. последовательно правили Прибина и его сын Коцел. При этом к тождеству «Коцилин = Коцел», А. Грегуар добавил тождество «Прибина = Порин». Получившуюся в результате «перевернутую» картину паннонской истории IX столетия исследователь попытался рационализировать рассуждением, что в тексте 30-й главы Прибина был принят за Коцела, а Коцел за Прибину[22]. На то, что подобная экстравагантная позиция ничем не оправдана, еще полвека назад справедливо указал Б. Графенауэр. Не повторяя здесь критических замечаний словенского медиевиста[23], достаточно будет указать на то, что при перенесении описанных в 30-й главе событий из Хорватии в Паннонию противоречия с информацией современных источников о франкской политике на славянском юго-востоке становятся еще более наглядными и резкими, чем в случае со всеми предыдущими толкованиями.

Итак, можно констатировать, что историкам, стремившимся выявить в рассказе 30-й главы о ранней истории хорватов историческое зерно, оставалось лишь закрывать глаза на многочисленные несообразности, выдвигая в качестве генерального объяснения превратности фиксации прошлого в устной передаче (контаминация, эпический анахронизм и т. п.) или намеренное искажение событий в пользу хорватов ввиду вышеназванного толкования, согласно которому именно от самих хорватов эта информация попала ко двору императора.

Примечательно, однако, что отправной точкой всех приведенных выше интерпретаций было убеждение в том, что в рассказе 30-й главы отразились, пусть и в весьма деформированном виде, события именно IX столетия, когда хорваты в Далмации, действительно, подчинялись франкам. Между тем, в этом же рассказе прямо говорится о том, что хорваты подчинялись франкам не только в Далмации, но еще и до своего переселения в Далмацию, когда обитали на прежней родине. Это загадочное известие, смущавшее многих исследователей, было объяснено тем, что автор 30-й главы спроецировал на далекое прошлое современную ему ситуацию, когда «Великая Хорватия» была подвластна Оттону, правителю «Франгии»[24].

Но о каком далеком прошлом могла в данном случае идти речь? Долгое время среди исследователей господствовало убеждение, что хорваты переселились в Далмацию либо в процессе славянской миграции, которая, как традиционно считалось,

[21] *Šišić F.* Genealoški prilozi… S. 41–42.
[22] *Grégoire H.* L' origine et le nom des *Croats* et des Serbes // Byzantion. 1945. Vol. 17. P. 93– 95.
[23] *Grafenauer B.* Vprašanje konca Kocljeve vlade... S. 174–176.
[24] *Grafenauer B.* Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogeneta… S. 30.

захлестнула этот регион около 600 г., либо отдельно от других славян, в начале VII в., причем последняя датировка, естественно, основывалась на известии 31-й главы трактата «Об управлении империей», где приход хорватов в Далмацию был отнесен ко времени правления императора Ираклия (610–641 гг.). На то, что подобная убежденность на фоне возобладавшего в историографии признания тенденциозными известий 31-й главы о роли Ираклия в ранней истории хорватов и сербов выглядит нелогичной, в свое время справедливо обратил внимание Л. Маргетич, предпринявший попытку определить, не прибегая к помощи 31-й главы, к какому времени относит переселение хорватов 30-я глава[25]. Вывод исследователя, согласно которому в 30-й главе, а следовательно, в исторической традиции самих хорватов, их переселение в Далмацию отнесено к концу VIII в., был предопределен тем, что в рассказе 30-й главы переселение хорватов в Далмацию непосредственно предшествовало другим событиям хорватской истории, происходившим во франкский период в истории Далмации, то есть в IX столетии.

Хотя сомнения в корректности тех или иных попыток датировать переселение хорватов, опираясь на известия императора Константина, будь то 31-я или 30-я глава, высказывались в историографии неоднократно, решительный пересмотр самой исследовательской парадигмы, заставлявшей ученых в течение нескольких десятилетий спорить о том, произошло ли переселение хорватов в Далмацию в правление Ираклия или Карла Великого[26], стал осуществляться лишь в самое последнее время. Применительно к проблеме интерпретации интересующих нас известий 30-й главы важнейшая метологическая новация заключается в том, что, вне зависимости от того, был ли рассказ 30-й главы хорватским или византийским по происхождению, его следует воспринимать не как отражение истории «народа хорватов», а как результат конструирования этой истории, отвечавшего задачам репрезентации хорватов в качестве самостоятельной этнополитической единицы[27]. На это указывает не только сама идеологическая значимость событий, описанных в 30-й главе (переселение в Далмацию,

[25] *Margetić L.* Konstantin Porfirogenet i vrijeme dolaska Hrvata // Zbornik Historijskog zavoda JAZU. Zagreb, 1977. Vol. 8. S. 11–31.

[26] Попутно заметим, что датировка переселения хорватов отнюдь не исчерпывалась в историографии альтернативой «Ираклий или Карл Великий?», особенно в контексте упоминавшейся выше готской теории происхождения хорватов. Так, например, К. Шегвич считал возможным относить переселение хорватов в Далмацию ко времени правления остготского короля Теодориха (493–526 гг.) (*Šegvić K.* Gotsko podrijetlo Hrvata i kako nastade Hrvatska / Preveo i priredio V. Nuić. Split, 1997). И. Мужич датирует появление хорватов в Далмации (первоначально в северо-западной ее части, в Либурнии) серединой VI в., то есть временем правления готского короля Тотилы (*Mužić I.* Slaveni, Goti i Hrvati na teritoriju rimske provincije Dalmacije. Split, 1996). Данные датировки основываются на сведениях иных, еще более поздних, чем трактат императора Константина, нарративных источников — Летописи попа Дуклянина (XII в.) и «Истории архиепископов Салоны и Сплита» Фомы Сплитского (XIII в.).

[27] См.: *Budak N.* Tumačenje podrijetla Hrvata i najstarije povijesti Hrvata u djelima srednjovjekovnih pisaca // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. Zagreb, 1995. S. 73–78; *Алимов Д. Е.* «Переселение» и «крещение»: К проблеме формирования хорватской этничности в Далмации // SSBP. № 2 (4). 2008. С. 101–113; *Дзино Д.* (= *Dzino D.*) 1) «Становиться славянином», «становиться хорватом»: Новые направления в исследовании идентичностей позднеантичного и раннесредневекового Иллирика // SSBP. 2008. № 2 (4). С. 54–55; 2) Pričam ti priču: Ideološko-narativni diskursi o dolasku Hrvata u *De administrando imperio* // RZHP. 2010. Knj. 42. S. 158–159; *Ančić M.* Zamišljanje tradicije… S. 143–147.

война с аварами и победа над ними, война с франками и победа над ними, крещение), или их телеологическая заданность.

О том, что история хорватов как «народа» по определению не может не являться «изобретенной традицией»[28], свидетельствует хотя бы то, что сама хорватская групповая идентичность далеко не сразу стала этнической идентичностью в привычном нам понимании[29]. Этому предшествовал процесс ее постепенной стабилизации и — что особенно важно — политизации, так как именно политизация способствовала превращению хорватов, кем бы они ни были первоначально, в особую этнополитическую общность (*gens*), которая к X столетию уже была признана в качестве таковой Византией, Венецией и Римом, то есть ключевыми силами, заинтересованными в укреплении своего влияния на восточном побережье Адриатики.

В связи с этим едва ли можно, например, говорить об описываемом в трактате императора Константина переселении хорватов из Великой Хорватии в Далмацию как о реальном «событии» из истории «народа хорватов»[30]. Да и разговор о крещении хорватов нуждается в серьезных оговорках: событие, которое могло бы быть названо «крещением хорватов», вряд ли когда-либо имело место в действительности. Все указывает на процесс постепенного проникновения христианства в среду осевшей в хинтерланде Далмации гетерогенной варварской элиты, который мог начаться еще в аварский период и продолжился с появлением около 800 г. франкских миссионеров[31], причем существование на подконтрольной хорватам территории епископства с центром в Нине, возникшего не позднее середины IX в., скорее было результатом самодеятельных усилий местной христианской общины,

[28] О применимости разработанной Э. Хобсбаумом и Т. Рейнджером концепции «изобретения традиций» (The Invention of Tradition / Ed. by E. Hobsbawm and T. Ranger. Cambridge, 1983), традиционно используемой при изучении формирования современных наций, к раннесредневековому материалу см., например: *Kasperski R.* Teodoryk Wielki i Kasjodor. Studia nad tworzeniem «tradycji dynastycznej Amalów». Kraków, 2013. S. 26–29.

[29] *Budak N.* Identities in early medieval Dalmatia (7th–11th century) // Franks, Northmen, and Slavs… P. 223–241; *Dzino D.* 1) Becoming Slav, becoming Croat: Identity transformations in post-Roman and early medieval Dalmatia. Leiden, 2010. P. 192–201, 208–210; 2) Novi pristupi izučavanju ranog hrvatskog identiteta // RZHP. 2009. Knj. 41. S. 43–47; *Алимов Д. Е.* Хорватская идентичность в раннее Средневековье: Проблема интерпретации // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2013. Вып. 4. С. 99–108.

[30] Правда, в современной историографии не прекращаются попытки обнаружить в тех или иных областях Центрально-Восточной Европы, где источниками IX–XII веков зафиксированы хорватские группы (Каринтия, Силезия, Галиция), прародину хорватов. Особенно популярной в последнее время стала локализация этой прародины на западе современной Украины, в Карпатах. См. наиболее обстоятельные попытки такой локализации: *Войтович Л. В.* Карпатські хорвати в етнополітичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього середньовіччя // Україна в Центрально-Східної Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). Київ, 2004. Вип. 4. С. 105–132; *Майоров А. В.* Великая Хорватия: Этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона. СПб., 2006. Сторонников подобной интерпретации хорватского этногенеза не останавливает при этом то обстоятельство, что первые надежные свидетельства о карпатских хорватах содержатся в древнерусской «Повести временных лет» (начало XII в.) при описании событий X столетия. Разумеется, было бы абсурдно отрицать всякую связь между различными хорватскими группами, но объяснять эту связь исключительно существованием хорватской прародины и переселениями с ее территории — значит схематизировать этническую историю, всецело следуя в этом дискурсу средневековых нарративов жанра «origo gentis».

[31] См.: *Алимов Д. Е.* «Переселение» и «крещение»… С. 111.

уцелевшей с античных времен, нежели следствием целенаправленной политики кого-либо из хорватских правителей[32].

Таким образом, принципиальный вопрос заключается не в том, имели ли место в действительности такие «события» как переселение, крещение или победа над могущественным неприятелем, так как они в любом случае были результатом структурирования задним числом наличного социального опыта, своего рода «изобретенной традицией». Вопрос в том, с чьей стороны осуществлялось это структурирование — со стороны самих хорватов или византийского автора, из сочинения которого эта «история хорватов» нам известна. О том, что ответ на этот вопрос далеко не очевиден, свидетельствует заметный разнобой в позициях по нему современных исследователей. Так, Б. Тодоров, демонстрируя на примере эволюции представлений о происхождении болгар в византийской историографии инструментальную функцию рассказов жанра «*origo gentis*» в контексте византийской дипломатии, полагает, что гораздо целесообразнее анализировать такие рассказы исходя из византийской перспективы, нежели пытаться трактовать их в качестве отражения гентильной традиции самих варваров[33].

Похожим образом рассуждает и Ф. Борри: отталкиваясь от некогда замеченного М. Будимиром формального сходства сюжета 30-й главы о пятерых братьях и двух сестрах, приведших хорватов в Далмацию, с известием Геродота о двух девушках и сопровождавших их пятерых мужчинах, прибывших со священными дарами из страны гипербореев на остров Делос[34], исследователь заключает, что хорватская «origo gentis» в действительности являлась книжной конструкцией, с помощью которой византийскому автору было необходимо объяснить появление на границах Византии нового «народа хорватов»[35]. Напротив, Д. Джино (Дзино) усматривает в рассказе 30-й главы отражение, прежде всего, этнического дискурса самой хорватской элиты в середине X в., связанного с ее стремлением идеологически зафиксировать свои политические позиции в Далмации[36]. С такой позицией солидаризируется и Ф. Курта, который, возражая Тодорову, замечает, что приведенные в 30-й главе имена хорватских вождей все же не могли взяться из воздуха[37].

Заметим, однако, что, несмотря на кажущуюся противоположность занятых исследователями позиций, разница между ними заключена скорее в акцентах, чем в существе понимания проблемы. Так, ни Тодоров, ни Борри отнюдь не отрицают

[32] *Budak N.* Prva stoljeća Hrvatske. Zagreb, 1994. S. 94.

[33] *Todorov B.* Byzantine myths of origins and their functions // SSBP. 2008. № 2 (4). С. 64–72.

[34] *Будимир М.* Порфирогенит и наша народна традиција // Гласник САН. 1949. Књ. I. Бр. 1–2. С. 243–245.

[35] *Borri F.* White Croatia and the arrival of the Croats: An interpretation of Constantine Porphyrogenitus on the oldest Dalmatian history // EME. 2011. Vol. 19 (2). P. 223–224. — Заметим, что между известием 30-й главы о хорватских вождях и рассказом Геродота о посланцах гипербореев не наблюдается ни структурного, ни смыслового сходства. Общим для обоих рассказов является лишь то, что и в том, и в другом случае речь идет о двух лицах женского, и пяти лицах мужского пола, прибывших из далекой северной страны (*Геродот*. История / Пер. с др.-греч. Г. А. Стратановского. СПб., 2015. С. 290; ср.: *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 131). Достаточно ли данного обстоятельства для того, чтобы заподозрить автора 30-й главы в литературных реминисценциях? Нам, вслед за Графенауэром, представляется, что этого явно недостаточно (см.: *Grafenauer B.* Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogeneta… S. 38–39).

[36] *Dzino D.* 1) «Становиться славянином», «становиться хорватом»… С. 54–55; 2) Pričam ti priču… S. 158–159.

[37] *Curta F.* The making of the Slavs: Between ethnogenesis, invention, and migration // SSBP. 2008. № 2 (4). С. 163–164.

наличия в византийских рассказах о происхождении каких-либо крупиц информации, полученной от самих варваров[38], в то время как Джино и Курта отнюдь не преуменьшают структурирующей роли византийского этнического дискурса, «переформатировавшего» гентильную традицию в соответствии с политическими, дидактическими и иными задачами создаваемого в Константинополе исторического нарратива. В связи с этим М. Анчич и И. Басич справедливо ставят вопрос о необходимости выявления в трактате кусочков так называемого «локального знания»[39], тогда как Джино, справедливо констатируя включенность в трактате «Об управлении империей» «локального знания» в глобальный византийский контекст, скептически заключает в одной из последних работ, что вследствие отсутствия в тексте оригинального контекста первоначальное значение этих кусочков просто не может быть установлено[40].

Последнее замечание австралийского исследователя может быть воспринято как суровый и, вместе с тем, справедливый приговор попыткам «найти черную кошку в темной комнате», однако же нам представляется, что возможности для адекватной интерпретации средневековых текстов, претендующих на отражение гентильных традиций, таких как интересующий нас текст из 30-й главы трактата «Об управлении империей», все еще далеко не исчерпаны. И основные перспективы в этом плане видятся нам во все более широком и систематическом привлечении сравнительно-исторического материала. Аналогии и сравнения полезны не только сами по себе. Они необходимы для осмысления информации источника в антропологическом контексте, вне которого любая дискуссия вокруг такого рода информации будет в конечном счете сводиться к противостоянию тех, кто, исходя из своего личного опыта и мировоззрения, *верит* тому, что написано в конкретном тексте, и тех, кто этому *не верит*.

В историографии уже обращалось внимание на очевидный факт, что рассказ о ранней истории хорватов, содержащийся в 30-й главе трактата «Об управлении империей», обнаруживает сходство с рядом описаний происхождения народов эпохи Великого переселения народов, относящихся к литературному жанру «*origo gentis*». Элементы этих описаний стали объектом пристального внимания со стороны исследователей Венской школы и, прежде всего, Х. Вольфрама, который усмотрел в них не просто литературные паттерны, а важные элементы идеологии раннесредневековых элит, первоначально существовавших в устной традиции варваров. Первый элемент, выделяемый Вольфрамом в структуре памятников жанра «*origo gentis*», именуется им «изначальным деянием» (*primordiale Tat*). Оно служит задаче легитимации харизматического рода, осуществляющего социально-политическую сборку новой общности,

[38] По словам Борри, «…некоторые аспекты, такие, как сюжет о Порге или упоминание других антропонимов (относительно которых в любом случае нельзя быть уверенным в том, что они были свойственны тем, кто именовался хорватами), едва ли были чистой инвенцией императора. Какая-то информация должна была существовать, но, кажется, что Константин Багрянородный интерпретировал ее через схемы античной и средневековой греческой этнографии» (*Borri F.* White Croatia… P. 226).

[39] *Ančić M.* Ranosrednjovjekovni Neretvani ili Humljani: Tragom zabune koju je prouzročilo djelo De administrando imperio // Hum i Hercegovina kroz povijest. Zbornik radova s međunarodnoga znanstvenog skupa održanog u Mostaru 5. i 6. studenog 2009. Knj. I / Ur. I. Lučić. Zagreb, 2011. S. 230–231; *Basić I.* Neka pitanja tekstualne transmisije izvora Porfirogenetovih poglavlja o Dalmaciji // RZHP. 2012. Knj. 44. S. 176.

[40] *Dzino D.* Local knowledge and wider contexts: Stories of the arrival of the Croats in De Administrando Imperio in the past and present // Byzantium, its neighbours and its cultures / Ed. by D. Dzino and K. Parry. Sydney, 2014. P. 98.

одновременно символизируя выход на историческую арену нового «народа» (*gens*)[41]. Таким «изначальным деянием» в памятниках жанра «*origo gentis*» является преодоление символической границы — моря или реки и/или победа над могущественным врагом. Например, в случае с готами «изначальным деянием» стало пересечение ими во главе с первым королем Беригом Балтийского моря вследствие исхода из Скандинавии, а в случае с лангобардами, также покинувшими Скандинавию, — победа над вандалами, в результате которой племя, первоначально именовавшееся винилами, обрело новое имя лангобардов. Второй, выделяемый Вольфрамом элемент — это смена религии или культа, которая в «*origo gentis*» также изображается как одномоментное событие, причем, по убеждению Вольфрама, этот элемент сохраняет свое идеологическое значение и в том случае, когда речь идет о принятии христианства. Так, лангобарды после победы над вандалами принимают культ дружинного бога Одина, а франки во главе с Хлодвигом принимают христианство после победоносной битвы с алеманнами[42]. Оба элемента — и «изначальное деяние», и смена культа — сопряжены с идеей избранного народа, который устремляется на обретение новой родины под руководством божества. При этом, несмотря на все сходство со Священным Писанием, говорить о библейском влиянии, по мнению Вольфрама, все же не приходится, так как христианские авторы в данном случае следовали архаичной гентильной идеологии. Мотив божественного руководства, столь явственно выступающий в «*origo gentis*» лангобардов, одержавших победу над вандалами благодаря поддержке бога Годана (Одина), обнаруживает себя также в генеалогиях королевских родов ряда германских «gentes», где Один или Гаут (эпитет Одина) выступает в качестве первопредка династии[43].

Рассматриваемые в своей взаимосвязи, «изначальное деяние» и смена культа служат для Вольфрама своего рода идеологической репрезентацией этногенеза в племенной традиции[44]. Подобная интерпретация «origo gentis» находится в полном соответствии с теорией этногенеза Р. Венскуса, согласно которой «*gens*» представляла собой гетерогенное образование, возникавшее вследствие объединения разнородных элементов вокруг воинского вождя, обладавшего харизмой божественного происхождения[45]. Идеологическим стержнем такого объединения и была племенная традиция, носителем которой была относительно небольшая группа людей, именуемая Венскусом ядром традиции (*Traditionskern*). Заключенное в племенной традиции представление об общем происхождении племени являлось элементом своеобразного этнического дискурса — гентилизма (*Gentilismus*), характеризовавшегося, прежде всего, тем, что этничность в его рамках была в большей степени политической категорией, а носителем этнических свойств была воинская элита. Представление о божественном происхождении и основанной на нем харизме правящего рода, унаследованное «воинским королевством» (*Heerkönigtum*) эпохи Великого переселения

[41] *Wolfram H*. Origo et religio. Ethnic traditions and literature in early medieval texts // From Roman Provinces to Medieval Kingdoms / Ed. by T. F. X. Noble. London, 2006. P. 66.
[42] Ibid. P. 67.
[43] Ibid. P. 45–47.
[44] *Wolfram H*. 1) Gothic history and historical ethnography // Journal of Medieval History. 1981. Vol. 7/4. P. 309–319; 2) Einleitung oder Überlegungen zur *Origo Gentis* // Typen der Ethnogenese unter besonderer Berücksichtigung der Bayern. Teil I. / Hrsg. von H. Wolfram und W. Pohl. Wien, 1990. S. 19–34; 3) Origo et religio. Ethnic traditions and literature in early medieval texts // EME. 1994. Vol. 3/1. P. 19–38.
[45] *Wenskus R*. Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes. Köln; Graz, 1961.

от предшествовавшей ей стадии «сакрального королевства» (*Sakralkönigtum*)[46], превращало этот род в своеобразный центр притяжения для мобильных воинских групп, причем не столько на физическом, сколько на идеологическом уровне. В то время как вокруг «ядер традиции» происходил процесс сборки будущих «*gentes*» по принципу снежного кома, этнический дискурс структурировал идеологическое пространство, обеспечивая харизматические роды и возглавляемые ими «племена» необходимой легитимностью посредством обретения героической истории.

В этом смысле отмеченные Вольфрамом элементы гентильной идеологии — изначальное деяние и перемена культа — при анализе памятников жанра «*origo gentis*» могут служить своего рода индикаторами процесса этногенеза, то есть происходящего вследствие активности традиционных ядер процессов сборки новых групп под новыми или старыми названиями. Нетрудно заметить, что в рассказе о хорватской истории, приведенном в 30-й главе, рассказе, который с полным правом можно назвать «*Origo gentis Chroatorum*», присутствует как тот элемент, который Вольфрам именует «изначальным деянием», так и элемент, связанный со сменой культа. При этом под «изначальным деянием» можно понимать не только победу хорватов над аварами — могущественным врагом, разгромив которого хорваты стали хозяевами Далмации, то есть обрели новую родину, но и их победу над франками, после которой, став независимыми и самовластными, они осуществили смену племенного культа — приняли христианство.

Интересно, что мотив смены религии сразу после победы над могущественным врагом присутствует не только в 30-й, но также и в 31-й главе трактата, согласно которой хорваты приняли христианство из Рима вскоре после своей победы над аварами. В отличие от многих исследователей, воспринявших идею о тождестве Порги и Порина, А. Милошевич воздерживается от такого шага, как впрочем и от прямого суждения о том, кем же в таком случае мог являться Порга. Между тем, в свете очевидного сходства структуры обеих версий истории хорватов, наиболее логичным было бы объяснение, согласно которому в описании хорватской миграции и крещения в 31-й главе использовалась та же самая хорватская традиция. Такой интерпретации отнюдь не мешает то обстоятельство, что 31-я глава трактата является частью «Повествования о хорватах и сербах» — идеологически продуманного нарратива, в рамках которого оба народа представали послушными исполнителями воли византийского императора Ираклия, обладавшего в данном нарративе инструментальной ролью восстановителя имперского порядка на Балканах, разрушенного аварами. Однако с учетом того, что основные события ранней хорватской истории, то есть идеологические элементы хорватской гентильной традиции, были приписаны здесь инициативе византийского василевса, изложенную здесь версию поселения и крещения хорватов следовало бы рассматривать как византийскую интерпретацию (*interpretatio Byzantina*) хорватского этногенетического мифа.

Важнейший вопрос, который возникает при оценке эвристических возможностей теории этногенеза, заключается в том, являются ли вышеназванные элементы, присутствующие в памятниках жанра «origo gentis», порождением этнического дискурса

[46] О роли представлений о «сакральном королевстве» в концепции этногенеза Венской школы см. подробно: *Murray A.* Reinhard Wenskus on «ethnogenesis», ethnicity, and the origin of the Franks. Turnhout, 2002. P. 53–59; *Kasperski R.* Problem etnogenezy Gotów… S. 424–428; 2) Teodoryk Wielki i Kasjodor… S. 153–164.

самих варваров или речь идет о нарративных конструкциях, соответствовавших тем способам упорядочивания хаотической реальности варварского мира, которые бытовали в рамках письменной цивилизации, сложившись на базе античной этнографической традиции и/или Священного Писания. Так как основой для разработки теории этногенеза Венской школы стала, главным образом, история готов, то основная в этом смысле полемика развернулась вокруг сочинения Иордана «О происхождении и деяниях гетов» (550/551 г.) и, соответственно, вокруг легшего в его основу труда Кассиодора Сенатора «История готов» (около 519 г.), самого первого в ряду сочинений жанра «origo gentis», содержание которого реконструируется на основе тщательного изучения текста Иордана, а также эпистолярного наследия самого Кассиодора. В то время как одни авторы, приложив гигантские усилия, пытались выявить в тексте Иордана элементы записанной Кассиодором гентильной, первоначально бытовавшей в устной форме, традиции, активно используя для этого все доступные источники о германском языческом обществе, включая, конечно, и позднейшие скандинавские материалы, такие как исландские саги, другие исследователи, напротив, обнаруживали в тексте Иордана все новые и новые доказательства того, что «Origo gothica», сочиненная римским интеллектуалом Кассиодором, является изобретенной традицией, заимствовавшей информацию из письменных источников и ориентировавшейся на сюжетные схемы и литературные каноны античной историографии[47].

Особенно сложно при этом обстоит дело с этническим дискурсом как таковым. В работах критиков Венской школы, справедливо ссылающихся на случайность и контекстуальную обусловленность этнических обозначений, фигурирующих в раннесредневековых источниках, можно встретить утверждение, что этничность не только не политизировалась в рамках варварских королевств, возникших на руинах Римской империи, но и вовсе не имела большого значения для структур господства[48]. Еще большую актуальность приобретает данное положение применительно к разного рода племенным королевствам за пределами Римского мира, куда еще не проник из центров письменной цивилизации развитый этнический дискурс. Как показывают многочисленные примеры, в том числе из славянского мира, существовавшие здесь этнические единицы вовсе и не были этническими: их названия, фигурирующие в источниках, случайны, контекстуальны и, если и имели какое-то значение, то в большей степени для самих авторов этих источников — представителей цивилизованного мира, испытывавших потребность как-то упорядочить варварский хаос, нежели для самих варваров[49]. Вследствие такого рода рассуждений, весьма резонных, по крайней мере, тогда, когда дело касается ряда конкретных случаев, возникает соблазн считать весь комплекс представлений о системообразующей роли этнического дискурса изобретением

[47] Замечательный по полноте разбор актуальной дискуссии см. в книге: *Kasperski R.* Teodoryk Wielki i Kasjodor… S. 51–81.

[48] К подобному выводу на основе анализа титулатуры варварских правителей пришел Э. Гиллетт: *Gillett A.* Was ethnicity politicized in the earliest medieval kingdoms? // On barbarian identity: Critical approaches to ethnicity in the early Middle Ages. Turnhout, 2002. P. 120–121.

[49] Применительно к славянскому миру см.: *Urbańczyk P.* Slavic and Christian identities during transition to the Polish statehood // Franks, Northmen, and Slavs… P. 205–222; 2) Trudne początki Polski. Wrocław, 2008. S. 69–106; *Tolochko O. P.* (= *Толочко А. П.*) 1) The Primary Chronicle's «Ethnography» revisited: Slavs and Varangians in the Middle Dnieper Region and the origin of the Rus' state // Franks, Northmen, and Slavs… P. 169–188; 2) Очерки начальной Руси. Киев; СПб., 2015. С. 68–92.

Венскуса, обязанным к тому же своим возникновением некоторым старым схемам немецкой медиевистики[50].

Однако по мере углубления в спор неминуемо возникает вопрос: а что именно надлежит понимать под этническим дискурсом? Сводимо ли дело лишь к названиям отдельных *gentes*, или речь должна идти не столько о них, сколько о других, более трудно уловимых, символических и идеологических аспектах социальной кохезии? На эти аспекты справедливо обращает внимание датская исследовательница Л. Хедигер, говоря о важности периода между 375 и 568 гг., в особенности времени господства гуннов, для формирования политической ментальности германских воинских элит[51]. Основывая свои наблюдения на материале этногенетических мифов, эпической поэзии и материальной культуры (звериный стиль), исследовательница приходит к выводу о формировании в гуннскую эпоху не только общего для германских воинских элит социального опыта, но и единого символического универсума, космологического порядка, в рамках которого политически определяли себя те или иные германские *gentes*. Будучи порождением этого универсума, этногенетические мифы в целом представляли собой отнюдь не изобретенные традиции (хотя применительно к каждому конкретному племени они таковыми неминуемо становились), а коллективную память, древнюю мудрость, из резервуара которой черпали свою легитимность все новые и новые гентильные элиты. В результате, «мифы, соединяя прошлое с настоящим, обеспечивали политико-идеологический элемент, необходимый для воздвижения и удержания этих калейдоскопических групп народов в качестве политических единиц»[52].

Как в свое время продемонстрировал бельгийский антрополог Ян Вансина, обработав солидный массив устных исторических традиций различных племен Африки, в таких традициях историческая память простиралась вглубь всего на несколько поколений, в среднем на 80 лет. В соответствии с этим все, что случилось прежде, либо забывалось, либо смешивалось с событиями мифологического времени, легендарной эпохи возникновения племенной общности, которая непосредственно предшествует сохраняемому в памяти периоду недавнего прошлого. С каждым новым поколением разрыв между событиями недавнего прошлого и легендарной историей перемещается во времени, однако устная традиция никак не артикулирует этот «плавающий разрыв» (*floating gap*), представляя собой последовательное повествование, в котором мифологическая история непосредственно предшествует событиями последних пяти или восьми десятилетий[53].

Если учесть, что 30-я глава трактата «Об управлении империей» была составлена, как указано выше, приблизительно между 955 и 973 гг., то описываемые здесь события, относящиеся к «франкскому периоду» хорватской истории (около 800–878 гг.), не говоря уже о предшествующей аварской эпохе, находятся за пределами актуальной

[50] См. особенно: *Murray A.* Reinhard Wenskus on «ethnogenesis», ethnicity, and the origin of the Franks. P. 53–59.
[51] *Hedeager L.* 1) The creation of Germanic identity. A European origin myth // Frontiéres d'Empire. Nature et signification des frontiéres romaines / Ed. par P. Brun, S. Van der Leeuw, C. Whittaker. Nemours, 1993. P. 121–132; 2) Cosmological endurance: Pagan identities in early Christian Europe // Journal of European Archaeology. 1998. Vol. 3. P. 383–397; 3) Migration period Europe: The formation of a political mentality // Rituals of power: From Late Antiquity to the Early Middle Ages / Ed. by F. Thews and J. L. Nelson. Leiden; Boston; Köln, 2000. P. 15–57.
[52] *Hedeager L.* Migration period Europe… P. 48.
[53] *Vansina J.* Oral tradition as history. Madison, 1985. P. 23–24, 168–169.

племенной памяти. Таким образом, и войны хорватов с аварами и франками, и принятие ими христианства происходили не в историческое, а в мифологическое время. Добавим к этому, что миф о миграции был характерной чертой саморепрезентации варварских элит далеко за пределами постримской Европы[54], да и смена религии и победа над могущественным врагом могли связываться друг с другом без всякого литературного воздействия, а просто в силу решающего значения обоих событий для легитимации этнополитической общности[55]. Число легендарных хорватских предводителей, приведших, согласно 30-й главе, хорватов в Далмацию, засвидетельствованное также в независимом от трактата императора Константина источнике — «Истории архиепископов Салоны и Сплита» Фомы Сплитского (XIII в.)[56], скорее всего, также является крупицей аутентичной гентильной идеологии[57], неразрывно связанной в данном случае с архаическими космологическими представлениями[58]. Думается, что

[54] См.: *Vansina J.* Oral tradition as history. P. 21–24; *Белков П. Л.* «Эпос миграций» в системе атрибутов традиционной власти // Символы и атрибуты власти: Генезис, семантика, функции. СПб., 1996. С. 63–71.

[55] Отбирая примеры за пределами христианского мира, сошлемся на историческую традицию средневекового мусульманского государства волжских булгар, согласно которой булгары, сразу после принятия ими ислама, победили и обратили в бегство армию царя хазар, который пришел к ним с большим войском, разгневанный тем, что они приняли новую веру без его приказа. Этот сюжет, по свидетельству пересказавшего его арабского путешественника Ал-Гарнати (XII в.), содержался в «Истории Булгара», составленной не позднее XI в. в самой Булгарии. Интересно, что булгаро-хазарская война не засвидетельствована другими источниками, притом что «История Булгара», на которую ссылался Ал-Гарнати, по всей видимости, воспроизводила официальную историческую традицию Булгарского государства (см.: *Измайлов И. Л.* Средневековые булгары: Этнополитическая и этноконфессиональная общность // История татар с древнейших времен: В 7 т. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань, 2006. С. 636–637).

[56] Объясняя происхождение хорватов, Фома Сплитский рассказывает о прибытии в Далмацию вместе с готским вождем Тотилой из земель Полонии неких лингонов в составе семи или восьми «знатных племен» (*tribus nobilium*) (*Фома Сплитский*. История архиепископов Салоны и Сплита / Перевод, комментарий и вступ. статья О. А. Акимовой. М., 1997. С. 35).

[57] См. об этом: *Hauptmann Lj*. Podrijetlo hrvatskoga plemstva. S. 88–96; *Klaić N*. Marginalia uz problem doseljenja Hrvata // Hauptmannov zbornik (Razprave SAZU. Knj. V). Ljubljana, 1966. S. 32–33; *Košćak V*. O nekim pitanjima hrvatske povijesti u ranom srednjem vijeku // HZ. God. XXXVII (1). Zagreb, 1984. S. 211–212; *Katičić R*. Vetustiores ecclesiae spalatensis memoriae // SHP. Ser. III. 1987. Sv. 17. S. 21–22.

[58] См.: *Тржештик Д.* Славянские этногенетические легенды и их идеологическая функция // Studia Balcanica, 20. Раннефеодальные славянские государства и народности. София, 1991. С. 35. — Д. Тржештик сопоставил рассказ 30-й главы о приходе хорватов с информацией позднейшего чешского источника — «Хроники так называемого Далимила» (начало XIV в.). В содержащемся в ней рассказе о Чехе, легендарном прародителе чехов, известном более ранней латиноязычной «Чешской хронике» Козьмы Пражского (начало XII в.) как «*pater Boemus*», сообщается о том, что он пришел в Чехию с шестью братьями из Хорватии. По мнению исследователя, параллелизм хорватского и чешского преданий (наличие героев-эпонимов Хорвата и Чеха, мотив семи вождей, приход Чеха из Хорватии, а Хорвата — из Великой Хорватии, соответствовавшей в трактате императора Константина Чешской державе Болеслава I) может объясняться отражением в обеих легендах памяти о миграциях славян с территории Аварского каганата в VI–VII вв. (*Třeštík D.* Mýty kmene Čechů… S. 55–98). Стоит отметить, что идея Д. Тржештика имплицитно подразумевает существование на пост-аварском пространстве некого общего резервуара мифов, из которого черпали свою идеологию пост-аварские воинские элиты. Данная мысль заставляет вспомнить упомянутые выше идеи Л. Хедигер об общих чертах «политической ментальности» германских *gentes*, формировавшейся в период гуннского господства. Однако какой бы заманчивой не казалась подобная интерпретация, следует констатировать, что сближение сведений

все эти наблюдения говорят в пользу гипотезы А. Милошевича о тождестве Порина и Перуна, ведь данный тезис в гораздо большей степени, чем попытки отождествить Порина с Бранимиром или Борной, вписывается в понимание хорватской этногенетической традиции как структурно организованного мифа, воспроизводящего базовые элементы архаической космогонии с характерным для нее мотивом божественного руководства. Превращение в хорватской исторической традиции языческого бога-громовержца в древнейшего известного по имени хорватского правителя, при котором произошло освобождение хорватов от чужой власти и принятие ими христианства, всецело соответствовало бы в данном случае процессам демифологизации и историзации мифологических сюжетов, засвидетельствованным в ранних исторических традициях различных народов[59].

Правда, может показаться, что препятствие для отождествления Перуна и Порина представляет собой рассказ о переселении и крещении хорватов, содержащийся в 31-й главе трактата императора Константина. Если видеть в этом рассказе византийскую интерпретацию хорватского этногенетического мифа, что, как было отмечено выше, представляется наиболее логичной интерпретацией, то неминуемо возникает вопрос — может ли быть соотнесен с Перуном фигурирующий в нем архонт Порга. Не претендуя на окончательное решение этого вопроса, ограничимся тем, что обратим внимание на два обстоятельства, каждое из которых теоретически может быть использовано для упрочения высказанной Милошевичем гипотезы. Первое, о чем необходимо сказать, это упомянутое выше предположение о том, что имя Порга является результатом ошибочного написания имени «Πορνα».

Второе обстоятельство, которое, на наш взгляд, также следовало бы принять во внимание при обсуждении вопроса о соотношении Порги и Порина, заключается в том, что антропоним Порга обнаруживает сходство с именами ряда божеств, являвшихся по своим функциям аналогами славянского Перуна[60]. На этом фоне заслуживает особого внимания имя Пурго, засвидетельствованное сербским этнографом Любомиром Печо в фольклорном материале Боснии: по информации данного автора, в некоторых боснийских селах был известен ритуальный возглас «Зове Пурго на орање», который можно было услышать, в частности, после проведения обряда венчания, когда разжигали огонь[61]. Исследователи, обращавшие внимание на данную информацию, не сомневались, что речь в данном случае шла именно о Перуне и его функциях, связан-

трактата «Об управлении империей» с известиями позднесредневековой чешской хроники, рассказ которой о Чехе существенно отличается от версии того же мифа, изложенной в более ранней хронике Козьмы Пражского (в которой не сообщается ни о Хорватии, ни о шести братьях Чеха), выглядит как минимум сомнительным.

[59] О закономерностях демифологизации и историзации (на материале сказаний о первых князьях в славянском средневековом историописании) см.: *Щавелёв А. С.* Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007. С. 185–194.

[60] Помимо имен литовского Перкунаса, латышского Перконса, мордовского Пурьгине(-паза), очевидно, восходящих к имени древнего балтского бога-громовника (см. подробно: *Иванов В. В.*, *Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 4–30), стоит обратить внимание и на форму **Pargana*, реконструируемую в качестве имени одного из древнеиранских божеств. См. об этом: *Lajoye P.* There is no «Perun in the Caucasus»… but maybe an ancient Iranian thunder demon // SMS. 2012. Vol. XV. P. 179–184.

[61] См.: *Кулишић Ш.* Пурго // Кулишић Ш., Петровић П. Ж., Пантелић Н. Српски митолошки речник. Београд, 1970. С. 249.

ных с созданием погодных условий, благоприятных для пахоты[62]. В связи с этим стоит отметить, что лингвистами давно установлены не только этимологическое и семантическое единство теонимов с основами на **per-* и на **perg-*, но и широкое использование обоих основ в религиозной лексике индоевропейцев, включая славян[63].

Итак, гипотеза А. Милошевича, согласно которой под именем Порина скрывается славянское божество Перун, превратившееся в хорватской этногенетической традиции в своего рода небесного правителя хорватов, как кажется, не только хорошо вписывается в характерное для Венской школы антропологическое прочтение легенд жанра «origo gentis», но и не встречает серьезных препятствий в наличном историческом материале. На этом фоне излишней видится нам попытка исследователя реабилитировать старинную интерпретацию известного пассажа 31-й главы о договоре хорватов с римским папой, в рамках которой фигурирующее здесь словосочетание «Бог хорватов» рассматривалось как намек на сохранение хорватами еще в середине X в. языческого мировоззрения[64]. Принять подобную интерпретацию мешает не только большая вероятность того, что первоначальный смысл фразы оказался искажен при переписывании, на что уже давно указал в специальной работе Р. Катичич[65], но и содержательное сходство формулы, воспроизведенной в 31-й главе, с фразой из адресованного хорватскому дуксу Бранимиру письма папы Иоанна VIII от 7 июня 879 г. В нем папа выражал желание укрепить Бранимира апостольской добротой, дабы на него снизошли милость и благословение Господа, как и благословение апостолов Петра и Павла и самого папы, чтобы он ощущал себя защищенным от «видимых и невидимых врагов», препятствующих человеческому спасению, и чтобы он «легче одержал желанную победу над врагами»[66]. Учитывая, что известие 31-й главы о договоре хорватов с папой, по всей видимости, исходило от самих хорватов, то есть являлось элементом устной традиции, велика вероятность того, что в таком причудливом виде запечатлелась в Хорватии память о письме Бранимира, содержание которого, несомненно, было известно в Хорватии не только самому правителю, но и другим представителям хорватской элиты. Могла ли при этом формула «Бог хорватов» быть почерпнута информатором императора от самих хорватов? Могли ли хорваты-христиане в середине X в. воспринимать христианского Бога наподобие своего племенного божества? Думается, что искать ответы на эти вопросы в условиях полного отсутствия каких бы то ни было дополнительных сведений бессмысленно. Излишними представляются нам и приводимые Милошевичем в обоснование своего тезиса ссылки на загадочного лангобардского вождя Перона или славянского бога Свантевита, которые ничуть не усиливают

[62] Там же; *Гейштор А.* Мифология славян. М., 2014. С. 77.

[63] См.: *Иванов В. В.* К этимологии балтского и славянского названия бога грома // Вопросы славянского языкознания. М., 1958. Вып. 3. С. 110–111. — Корень **perg-* усматривается некоторыми исследователями в названии славянских мифологических существ «берегыни» (Там же. С. 108).

[64] См. особенно: *Markotić V.* Ho ton Hrobaton Theos, Porphyrogenitus' God of the Croats // Mandićev zbornik. U čast o. dra Dominika Mandića prigodom njegove 75-godišnjice života. Rim, 1965. S. 11–37.

[65] *Katičić R.* «Bog Hrvata» u Konstantina Porfirogeneta // Zbornik u čast Petru Skoku o stotoj obljetnici rođenja (1881–1956). Zagreb, 1985. S. 237–247. — Не встречается «Бог хорватов» и в русском переводе трактата, выполненном Г. Г. Литавриным: здесь Бог вступает в бой *ранее хорватов* (*Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 137).

[66] На это сходство указал еще Ф. Шишич, для которого оно послужило дополнительным аргументом для отождествления Порина с Бранимиром: *Šišić F.* Genealoški prilozi… S. 47–48.

концепции автора и в лучшем случае могут трактоваться как аргумент типа *obscurum per obscurius*[67].

Вместе с тем, говоря о возможном присутствии Перуна в хорватской этногенетической традиции, невозможно пройти мимо интереснейшего факта наличия в пределах территории, входившей в раннее Средневековье в состав Хорватии, имени Перун в качестве названия нескольких гор. Это позволяет говорить не только о единстве религиозных воззрений славян на огромном пространстве от Средиземного моря до озера Ильмень, но и о важности данного языческого культа конкретно для Хорватии. Так, одна из гор с названием Перун, документально засвидетельственном уже в 1090 г., расположена в пределах исторической области Полица, протянувшись вдоль моря к юго-востоку от Сплита. Три вершины этой горы, расположенные между селениями Подстрана (на морском побережье) и Жрновница (к северо-западу от горного гребня)

[67] Говоря о роли Перуна в качестве небесного правителя хорватов, Милошевич ссылается на источник, в котором, по мнению исследователя, можно обнаружить ближайшую параллель хорватской традиции о Порине. Речь идет о памятнике начала IX в., известном в историографии под названием «История лангобардов в кодексе из Готы» (*Historia Langobardorum codicis Gothani*). В третьей главе данного источника сообщается о том, как лангобарды, еще остававшиеся в то время язычниками, обрели новую родину в Ругиланде и утвердили там «свою веру» (*sua dogma*). Здесь же сообщается о том, что на новой родине ими последовательно правили Годоин, Перон и Клаффон («Illo vero tempore exivit rex Odoacer de Ravenna cum exercitu Alanorum, et venit in Rudilanda, et pugnavit cum Rugiis, et occidit Fewane rege Rugorum, et secum multos captivos in Italia adduxerunt. Tunc exierunt Langobardi de Pannonia, et venerunt habitaverunt in Rudilanda annos plurimos, et ad suam dogmam perduxerunt. Ante Peronem regnavit Godoin; post Peronem tenuit principatum Langobardorum Claffo» (Historia Langobardorum codicis Gothani // MGH. Scriptores rerum Langobardicarum / Ed. G. Waitz. Hannover, 1878. P. 8)). Рассматривая данный пассаж, который представляется Милошевичу сюжетно близким хорватскому преданию (освоение новой родины язычниками), исследователь высказывает смелую догадку: в именах Година (sic) и Перона, которые, в отличие от Клаффона, неизвестны другим лангобардским источникам, ему видятся имена языческих богов, германского Одина и славянского Перуна, из чего в этом случае вытекает, что данные вожди были небесными предводителями лангобардов в период их миграции, когда им предположительно приходилось сталкиваться и смешиваться со славофонами. Однако утверждение Милошевича, что Годин (sic) и Перон неизвестны другим лангобардским источникам, справедливо лишь отчасти. Притом, что написания имен лангобардских правителей в разных источниках довольно сильно варьировались, Годоин кодекса из Готы без особого труда отождествляется с лангобардским вождем по имени Гудеох, при котором, по сообщению «*Origo gentis Langobardorum*» и «Истории лангобардов» Павла Диакона, лангобарды переселились в Ругиланд. Более того, в Прологе к кодексу Ротари этот король фигурирует как сын своего предшественника — Гильдеоха, также известного двум вышеупомянутым лангобардским источникам жанра «origo gentis». Впрочем, даже если Гудеох и не был родственником предшествующего правителя, кажется, нет ни малейших оснований связывать его с Одином. Что касается загадочного Перона, действительно, неизвестного по другим источникам, то форма его имени, характерная для представителей лангобардской элиты (см.: *Bystrický P.* Longobardskí králi 488–572 // Vojenska historia. Časopis pre vojensku historiu, muzejnictvo a archivnictvo. Bratislava, 2007. Roč. 11 (2). S. 5–6), не дает оснований выделять его из ряда лангобардских вождей. В связи с этим в историографии высказывается мнение, что даже в том случае, если Перон не был королем и по этой причине не был зафиксирован в лангобардской традиции, он, тем не менее, мог быть военачальником, основателем династии или просто предком короля Клаффона. Еще одна параллель, которая представляется показательной Милошевичу, это культ Свантевита на острове Рюген, который, согласно Саксону Грамматику, был почитаем не только славянскими, но и не-славянскими вождями, как своего рода верховный (небесный) правитель. Однако данную параллель к тому, что *могло бы быть* в Хорватии, нельзя воспринимать как аргумент, что понимает и сам автор, который приводит ее скорее в качестве иллюстрации к своему тезису о славянском небесном правителе.

носят красноречивые названия Перунско, Перун и Перунич[68]. Есть основания полагать, что в центральной части Далмации с культом Перуна была связана и еще одна гора: как доказывает Т. Бурич, название Перун носила одна из вершин горного массива Козьяк к северо-западу от Сплита, в Средние века относившаяся к селению Острог, что в пределах современного Каштел-Лукшича в Каштеле[69]. В восточной части полуострова Истрия, в X столетии входившей, как следует из трактата «Об управлении империей», в состав Хорватии, также известна гора Перун: она возвышается над рекой Учкой близ города Мошченице[70].

Микрорегиональные исследования архаической славянской топонимики, осуществленные в местах расположения указанных горных вершин, позволили во всех трех случаях (Жрновница, Каштел-Лукшич, Мошченице) выявить целые сакральные ландшафты[71], в которых, по мнению исследователей, отражены элементы так называемого основного мифа индоевропейцев в его славянском варианте, интерпретированном в свое время В. В. Ивановым и В. Н. Топоровым как миф о борьбе Перуна с Велесом[72]. Это позволило хорватским исследователям говорить о присутствии на территории раннесредневековой Хорватии не только культа Перуна, но и культа другого славянского божества — Велеса, в качестве следов почитания которого в рамках данной интерпретации рассматриваются указывающие на будто бы присущий Велесу змеиный облик топонимы, расположенные в низменных местах. К непосредственным отражениям имени Велеса в хорватской топонимике относят при этом название полуострова Велес близ Нового Винодольского[73].

Тезис об отражении в топонимике и сакральной географии района Жрновницы мифа о борьбе Перуна с Велесом был в свое время не только поддержан А. Милошевичем, но и получил развитие в публикациях автора, посвященных знаменитому раннесредневековому рельефу, встроенному в стену церкви Вознесения Девы Марии в Жрновнице, с изображением бородатого всадника, поражающего копьем существо, напоминающее хищного зверя. Данный рельеф, на котором, как традиционно считалось до той поры,

[68] *Katičić R.* Božanski boj — tragovima svetih pjesama naše pretkršćanske starine Zagreb, 2008. S. 285–299.

[69] *Burić T.* Perunovo brdo (*monte Borun*) — prilog poznavanju poganske slavenske toponimije u Kaštelima // SHP. Ser. III. 2011. Sv. 38. S. 59–82.

[70] Есть основания полагать, что с культом Перуна связано и название горы Перунцовац близ Грачишча неподалеку от Пазина в центральной части Истрии (см.: *Levak M.* Slaveni vojvode Ivana. Kolonizacija Slavena u Istri u početnom razdoblju franačke uprave. Zagreb, 2007. S. 66–67; *Katičić R.* Božanski boj… S. 116, 247, 304–305). В Боснии также зафиксировано несколько мест с названием Перун: *Katičić R.* Božanski boj… S. 116–117.

[71] Сакральный комплекс близ Жрновницы: *Katičić R.* Božanski boj… S. 285–299; *Pleterski A.* Kulturni genom: Prostor in njegovi ideogrami mitične zgodbe. Ljubljana, 2014. S. 302–320; сакральный комплекс в Каштеле: *Burić T.* Perunovo brdo… S. 59–82; сакральный комплекс близ Мошченице: *Katičić R.* Božanski boj… S. 301–312.

[72] *Иванов В. В.*, *Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974. — Троичная модель организации славянских сакральных ландшафтов, соответствующая данному мифу, выявлена словенским археологом А. Плетерским: *Pleterski A.* 1) The trinity concept in the Slavonic ideological system and the Slavonic spatial measurement system // Światowit. 1995. Vol. 40. S. 113–143; 2) Strukture tridelne ideologije v prostoru pri Slovanih // ZČ. 1996. Letnik 50. Št. 2. S. 163–185; 3) Kulturni genom… S. 115–129. Об аналогичных структурах в Хорватии как в составе упомянутых святилищ (Жрновница, Мошченице), так и в целом ряде других мест, где они были недавно выявлены, см. подробно: *Belaj V.*, *Belaj J.* Sveti trokuti. Topografija hrvatske mitologije. Zagreb, 2014.

[73] *Katičić R.* Božanski boj… S. 313–326.

изображен Георгий Победоносец, поражающий копьем змея, был на основе ряда иконографических особенностей интерпретирован А. Милошевичем не как воспроизведение известного сюжета из жития христианского святого, а как изображение боя Перуна с Велесом[74], что в случае признания правоты автора может претендовать на роль научной сенсации общеевропейского значения. В настоящее время в науке продолжается активная дискуссия о том, можно ли поставить это архаичное по своей стилистике и, действительно, весьма необычное для иконографии св. Георгия изображение, датированное А. Милошевичем VIII веком, в непосредственную связь с культом Перуна[75].

Как хорошо видно в случае с почитанием Перуна на Руси в X в., это славянское божество определенно ассоциировалось в этот период с князем и его дружиной[76], став в результате религиозной реформы князя Владимира главным богом официального пантеона создававшейся киевским правителем огромной многоплеменной державы[77]. Таким образом, культ Перуна, по крайней мере, на определенном историческом этапе социального развития славян, имел функции, схожие с функциями германского Одина, покровителя воинов, который засвидетельствован в качестве небесного правителя и основателя династий во многих раннесредневековых источниках, включая как этногенетические предания, так и генеалогии[78]. Поэтому нам представляется, что иденти-

[74] *Milošević A.* 1) Il bassorilievo altomedievale del cavaliere di Žrnovnica in Dalmazia // Godišnjak Centra za balkanološka ispitivanja ANUBiH. Sarajevo, 2008. Knj. 37/35. S. 181–217; 2) Slika Božanskog boja — likovni i ikonografski pogled na konjanički reljef iz Žrnovnice u Dalmaciji // Perunovo koplje / Ur. A. Pleterski, T. Vinšćak (SMS — Supplementa. Vol. 4). Ljubljana, 2011. S. 17–72; 3) Tragovi starih vjerovanja u kršćanstvu ranoga srednjeg vijeka. Dubrovnik; Split, 2013. S. 11–87. — Первоначальное местонахождение рельефа, встроенного в стену упомянутой церкви только в XVIII в., неизвестно, хотя он определенно происходит из одной из нескольких церквей дороманского периода, остатки которых зафиксированы в округе Жрновницы. Обзор мнений см.: *Pleterski A.* Kulturni genom… S. 310.

[75] Идентификацию жрновницкого всадника с Перуном, а поражаемое им существо — с Велесом всецело поддерживает А. Плетерский: *Pleterski A.* Kulturni genom… S. 309, 315–316. Критику интерпретации рельефа из Жрновницы в качестве языческого изображения см. в специально посвященной данной теме работе И. Мужича: *Mužić I.* Svetojurjevska problematika u Hrvata i sveti Juraj na reljefu crkve u Žrnovnici // SHP. Ser. III. 2011. Sv. 38. S. 187–213.

[76] См.: *Аничков Е. В.* Язычество и древняя Русь. М., 2003. С. 317–321; *Рыбаков Б. А.* 1) Язычество древних славян. М., 1994. С. 417–419; 2) Язычество Древней Руси. М., 2013. С. 454–455. — Связь культа бога-громовника с выдвижением воинских элит и политогенетическими процессами, как кажется, просматривается и на материале средневековой истории мордвы-эрзи. Так, представляет интерес имя эрзянского инязора (князя) Пургаза (первая половина XIII в.), которое еще в XIX в. иногда сопоставлялось с именем хорватского архонта Порги. В историографии имя мордовского князя производят от имени мордовского бога грома Пурьгине(-паза), чей культ, аналогичный культу Перуна, обычно рассматривается как результат весьма древних контактов финноязычных предков мордвы с балтами (см., например: *Петрухин В. Я.* Женитьба Громовержца. Балтийско-финские мифологические параллели и проблемы начальной этнической истории балтов, финнов и славян // Петрухин В. Я. «Русь и вси языци». Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М., 2011. С. 21–26). Мордовский фольклор сохранил представление о Пурьгине(-пазе) как о небесном владыке, могучем воине и защитнике мордвы (см.: *Петрухин В. Я.* Мифы финно-угров. М., 2005. С. 308–310).

[77] См.: *Васильев М. А.* Язычество восточных славян накануне крещения Руси. Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. М., 1998. С. 201–266; *Zaroff R.* Organized pagan cult in Kievan Rus'. The invention of foreign elite or evolution of local tradition? // SMS. 1999. Vol. II. P. 47–76; *Клейн Л. С.* Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб., 2004. С. 147–151.

[78] См.: *Moisl H.* Anglo-Saxon royal genealogies and Germanic oral tradition // Journal of Medieval History. 1981. Vol. 7. P. 215–248; *Wolfram H.* Origo et religio… P. 45–47.

фикация Порина с Перуном, предложенная Милошевичем, не просто усиливает идею, что хорватский этногенез в целом следует рассматривать как постепенную трансформацию воинской группы в полноценную этнополитическую общность (*gens*)[79], что в этом случае находилось бы в полном соответствии с теорией этногенеза Венской школы, но и способствует пониманию того, как это в сущности происходило.

Эпический характер описания взаимоотношений хорватов с франками (структурно близкого при этом описанию отношений хорватов с аварами) не оставляет сомнений в том, что оппозиции «хорваты – франки» принадлежала важная роль в самосознании хорватской элиты, а память о былом подчинении франкам прочно держалась еще в середине X в., составляя, таким образом, элемент «локального знания». То, что при этом в источниках, относящихся ко времени франкского господства над Далмацией, мы не находим упоминаний об описываемой в 30-й главе войне хорватов с франками, не должно нас удивлять. Ведь победоносная война хорватов с франками — это не столько реальное событие, сколько структурный элемент, изначальное деяние, открывшее дорогу конституированию во франкской Далмации самостоятельного этнополитического организма. Реальный же процесс, о котором можно судить по имеющимся в нашем распоряжении источникам — это политическая эмансипация варварской элиты далматинского хинтерланда от центра франкской власти во Фриуле и кристаллизация на этой территории особого политического организма — королевства хорватов. Как можно судить на основании имеющихся источников, формирование этого хорватского гентильного королевства вполне завершилось к середине IX в., так как правивший в это время дукс Трпимир (около 840–864 гг.) выступает в источниках как самостоятельный гентильный правитель («дукс хорватов», «король славян»), лишь номинально зависимый от своего сюзерена — короля Италии Лотаря I.

Заметим, что хорватский случай находит аналогии в процессах, происходивших в рассматриваемый период на других варварских окраинах созданной Карлом Великим империи. Ослабление единства империи при преемниках Карла Великого, при относительно далеко зашедших к середине IX столетия процессах усвоения варварами франкских политических институтов создавало условия для появления на ее окраинах гентильных королевств, успешно адаптировавших имперское наследие к нуждам локального вторичного политогенеза. В этом смысле политическое и территориальное оформление хорватского гентильного королевства может быть, при всех возможных оговорках, касающихся локальных особенностей, поставлено в один ряд с образованием королевства Памплоны при Иньиго Аристе (824–851/852 гг.) на юго-западных рубежах империи Каролингов, в Пиренеях, или с оформлением на северо-западе империи, в Арморике, Бретонского королевства в правление Номиноэ (831–851 гг.) и Эриспоэ (851–857 гг.)[80].

При этом политическая эмансипация воинской элиты далматинского хинтерланда, выражавшаяся в этнополитической консолидации хорватской общности и кристаллизации локальных центров власти, вполне возможно, сопровождалась и борьбой среди

[79] См. об этом: *Алимов Д. Е.* Хорватская идентичность... С. 103–106.

[80] На сходство хорватского и бретонского политогенеза в IX в. обратил внимание Н. Будак: сильная власть хорватского дукса в середине IX в. при сохраняющемся формальном сюзеренитете Каролингов напомнила исследователю ситуацию в Бретани, а также в лангобардском герцогстве Беневенто в правление Арехиса II (758–787 гг.) (*Budak N.* Hrvati u ranom srednjem vijeku // Povijest Hrvata. Knj. 1: Srednji vijek / Gl. ur. F. Šanjek. Zagreb, 2003. S. 74–75). На наш взгляд, аналогия с Бретанью может быть еще более углублена с учетом ряда обстоятельств (см. ниже).

местных сильных родов. Подобную мысль позволяет высказать недвусмысленное сообщение, содержащееся в самом тексте 30-й главы, но почему-то не обращавшее на себя внимания в историографии. При описании хорватского восстания здесь говорится: «Не в силах вынести этого от франков, хорваты восстали против них, *перебив архонтов, которых те им поставили* (курсив наш. — *Д. А.*)»[81]. В связи с этим представляется совершенно логичным, что процесс закрепления за элитами далматинского хинтерланда группового названия «хорваты», несомненно, существовавшего задолго до появления франков в Далмации, протекал не сам по себе, а был обусловлен стремительно меняющимися властными отношениями. Иными словами, именно консолидация местной элиты, сопровождавшаяся ее самоопределением по отношению к франкам, стимулировала процесс создания гентильной общности — «*gens Chroatorum*». Заимствуя у франков вместе с прочим культурным багажом развитый этнический дискурс, хорватская элита дистанцировалась от каролингских политических структур в том числе и через этнические категории, что может быть определено как частный случай так называемого фронтирного этногенеза.

Ближайшую аналогию тому, что происходило в Хорватии, как кажется, являет собой Бретань. Социальный ландшафт Бретани к началу IX в. характеризовался высокой степенью социально-политической децентрализации, выражавшейся в отсутствии на заселенных бриттами территориях Арморики ясных признаков иерархической организации власти при доминировании в разные периоды тех или иных вождей и связанных с ними воинских групп[82]. При этом бритты, особенно в восточной части Арморики, веками тесно взаимодействовали с франками, чему особенно благоприятствовали такие обстоятельства как власть бриттов над округой Ванна и создание франками так называемой Бретонской марки, включившей в свой состав Ваннское графство. Вследствие этого создавалась ситуация, когда импульсы к централизации и установлению властной иерархии в землях Бретани давали не только сами бритты, заинтересованные в успешном противостоянии франкам, но и франки, пытавшиеся выстроить в Бретани стабильную и лояльную им властную структуру, делая при этом ставку на тех или иных могущественных людей из числа самих бриттов. Кульминацией процессов такого рода можно считать превращение в период междоусобиц во Франкском государстве, последовавших после смерти Людовика Благочестивого, бритта Номиноэ — ваннского графа, в свое время превращенного Людовиком (в результате своего рода компромисса с бриттами, прежде неоднократно восстававшими против франков) в своего рода наместника императора в Бретани (*missus imperatori*), в самостоятельного гентильного правителя (*dux Brittonum*).

Как показала Дж. Смит на основе изучения нарративных источников бретонского происхождения — житий местных святых, конструирование бретонской гентильной идентичности и формирование этногенетического мифа происходило именно в IX столетии, то есть в эпоху, когда находившаяся в процессе этнополитической консолидации общность остро нуждалась в идеологической репрезентации своего единства в ситуации противостояния с франками. Именно тогда вместо расплывчатых

[81] *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 130.

[82] По словам Дж. Смит, реконструировавшей властные отношения в Бретани в начале IX в. на основании грамот монастыря Редон — важного церковного центра, расположенного на франкско-бретонском рубеже, «доминирующим впечатлением, оставляемым существующими источниками, является впечатление отсутствия ясной иерархии власти» (*Smith J. M. H.* Province and empire: Brittany and the Carolingians. Cambridge, 1992. P. 30).

географических формулировок (вроде «Британии» и «Франкии»), присутствовавших в ранней бретонской агиографии, появляются такие понятия как страна бриттов (*patria Brittonum*), формируется четкое представление о миграции из Британии в Арморику как «изначальном деянии» (если использовать упоминавшуюся выше терминологию Вольфрама), а фигура одного из бриттских вождей, правившего в VI в., трансформируется в образ легендарного родоначальника Бретонского королевства[83].

Социально-политический ландшафт Далмации ко времени установления здесь франкской власти характеризовался, как кажется, еще меньшим развитием иерархических структур власти, чем это наблюдалось в Бретани. По крайней мере, археологические материалы не дают ясных свидетельств наличия в Далмации воинских элит вплоть до конца VIII в.[84] На этом фоне показательным представляется тот факт, что первый засвидетельствованный во франкских источниках местный правитель Борна, сначала упомянутый в тексте «Анналов королевства франков» как вождь неких гудусканов (*dux Guduscanorum*), впоследствии выступает как территориальный правитель — «дукс Далмации» (*dux Dalmatiae*) и «дукс Далмации и Либурнии» (*dux Dalmatiae atque Liburniae*). То, что Борна при этом не именуется правителем хорватов (*dux Chroatorum*), едва ли было простой случайностью: вероятно, хорватская идентичность еще не воспринималась в это время франками как гентильная. Как бы там ни было, но последующая территориальная легитимации власти Борны показывает, что с точки зрения франков более значимым, чем его гентильная легитимация, был его статус правителя Далмации и Либурнии, то есть областей, оформившихся как особые территориальные единицы еще во времена Римской империи. И это тоже не кажется случайным. Наличие франкской воинской экипировки в появляющихся с конца VIII в. в Далмации захоронениях воинской элиты лучше всего объясняется тем, что хорваты были союзниками франков в их войнах с аварами и византийцами. Поэтому занятие хорватскими воинами участков прибрежной зоны Далмации, где еще проживало романское население, логично связывать с расширением сферы франкской администрации, возглавлявшейся фриульским маркграфом[85]. Получается, что хорватская полития обрела свою территориальную конфигурацию не столько в результате процесса борьбы между конкурирующими вождествами (наличие которых и вовсе остается под вопросом), сколько в силу интеграции данного пространства в рамках франкской программы «*renovatio imperii Romani*».

Отталкиваясь от аналогии с Бретанью, можем ли мы конкретизировать контекст, в котором в истории Далмации произошел решающий сдвиг, открывший дорогу для превращения подконтрольного франкам далматинского дуката в хорватское гентильное королевство? Думается, что гипотетически это можно сделать. Дело в том, что в истории Далмации IX столетия, достаточно хорошо документированной современными

[83] *Smith J. M. H.* Confronting identities: The rhetoric and reality of a Carolingian frontier // Integration und Herrschaft. Ethnische Identitäten und soziale Organisation im Frühmittelalter / Hrsg. von W. Pohl und M. Diesenberger. Wien, 2002. S. 170–176.

[84] См. подробно с обзором новейшей археологической литературы: *Dzino D.* Becoming Slav, becoming Croat… P. 118–154. — Речь могла идти о такой модели социально-политической организации, которая в прежней историографии не вполне адекватно именовалась «племенным союзом», а в настоящее время, под влиянием соответствующих антропологических концепций, все чаще именуется гетерархией.

[85] См. подробно: *Алимов Д. Е.* Полития Борны: *Gentes* и *Herrschaft* в Далмации в первой четверти IX века // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2011. № 1 (9). С. 118–128.

источниками, существует одна явная лакуна. А именно — в источниках не прослеживается никакой связи между наследником дукса Борны Владиславом, первый и последний раз упомянутым в «Анналах королевства франков» под 821 г., и предшественником Трпимира Миславом, упомянутым под 839 г. венецианским хронистом Иоанном Диаконом. Между тем, именно в этот период, а именно в 828 г., произошла важная административная реформа в управлении юго-востоком империи Каролингов — реорганизация Фриульской марки в виде разделения ее на четыре административные единицы, управлявшиеся графами[86]. После этой реорганизации франкский контроль над Далмацией определенно ослаб, чему, скорее всего, в немалой степени способствовала и почти одновременная болгарская экспансия в Нижней Паннонии[87].

В связи с этим наше внимание должно быть обращено и на ставшую весьма заметной в 830–840-е гг. военную активность славян на Адриатике. Даже если не придавать в данном контексте большого значения таким фактам, как описываемые венецианским историком Иоанном Диаконом нападение неретвлянских славян на венецианских купцов, произошедшее в 834/835 г.[88], и предпринятая в 839 г. дожем Петром Традоником (Пьетро Традонико) экспедиция против «Склавении», очевидно, имевшая своей целью обеспечить безопасное плавание венетиков по Адриатике и завершившаяся заключением мирных договоров с Миславом и неретвлянским вождем Дружаком[89], свидетельство так называемого пакта Лотаря — грамоты 840 г., содержащей текст договора венетиков с городами Италии и Истрии, подвластными Лотарю I, не оставляет сомнений в том, что уже в этот период военные акции славян были гораздо более масштабными, чем обычные пиратские нападения на торговые корабли. Так, один из пунктов договора предусматривал оказание военной помощи флотом (очевидно, со стороны венетиков) в случае нападения «племен славян» (*generationes Sclavorum*) на города[90]. Прямое известие о такого рода нападении, случившемся в 846 г., содержит Хроника Иоанна Диакона: в этот год славяне разорили город Каорле (*castrum Caprulense*) в стране венетиков[91]. О том, что военная активность славян затрагивала в этот период не только прибрежные поселения венетиков и истрийских романцев, но и внутренние районы Фриуля, свидетельствует и современный событиям источник — «История» Андрея

[86] Сообщения об этом содержатся в «Анналах королевства франков» и анонимном «Жизнеописании Людовика» (см.: Documenta historiae chroaticae periodum antiquam illustrantia / Collegit, digessit, explicuit Dr F. Rački. (MSSM. Vol. VII). Zagrabiae, 1877 (далее — Documenta). P. 333).

[87] *Margetić L.* Ugovor Mletaka i italskih gradova contra generationes Sclavorum (840.) // HZ. 1988. God. XLI (1). S. 231; *Dzino D.* Becoming Slav, becoming Croat… P. 187.

[88] «Circa hoc tempore Venetici, negocii causa dum de Benevento revertebantur, a Narantanis Sclavis capti, pene omnes interfecti sunt» (Documenta. P. 335; *Giovanni Diacono*. Istoria Veneticorum / Edizione e traduzione di L. A. Berto. Bologna, 1999. P. 122).

[89] «Iste namque tercio sui ducatus anno Sclaveniam bellicosis navibus expugnaturum adivit. Sed ubi ad locum qui vocatur sancti Martini curtis perveniret, pacem cum illorum principe Muisclavo nomine firmavit. Deinde pertransiens ad Narrantanas insulas cum Drosaico, Marianorum iudice, similiter fedus instituit, licet minime valeret et sic postmodum ad Veneciam reversus est» (Documenta. P. 335–336; *Giovanni Diacono*. Istoria Veneticorum. P. 123–124). Хотя Дружак выступает в этом известии как вождь неких «поморян» (*iudex Marianorum*), они, судя по контексту, были частью более широкой общности, которая неоднократно упоминается в сочинении Иоанна Диакона под именем славян с «островов Неретвы», неретвлянских славян или просто неретвлян.

[90] *Margetić L.* Ugovor Mletaka… S. 217.

[91] «Circa haec tempora Sclavi venientes ad Veneticorum loca expugnanda, Caprulensem tantummodo castrum depredaverunt» (Documenta. P. 363; *Giovanni Diacono*. Istoria Veneticorum. P. 126).

Бергамского, где сообщается о том, что лангобарды терпели много несчастий от нападений «народа славян» (*gens Sclavorum*), пока император (Людовик Благочестивый) не сделал Эберхарда правителем Фриульской марки[92]. О борьбе Эберхарда со славянами, в которых логичнее всего видеть именно славян Далмации, свидетельствует и его современник ирландский поэт Седулий Скотт, который в стихотворении, специально адресованном Эберхарду, восхваляя его воинскую доблесть, замечает, что перед ним трепещет и сарацин, и «воинственный славянин»[93]. Подобная военная активность славян во Фриуле, которую было бы весьма трудно представить в правление верного франкского вассала Борны и его преемника Владислава, взошедшего на престол в 821 г. «с согласия императора», очевидно, указывает на серьезные изменения политической ситуации, повлекшие за собой резкое ослабление, если не полное исчезновение, франкского контроля в хинтерланде Далмации.

Любопытная интерпретация политической ситуации, сложившейся после 828 г. в самой Далмации, была в свое время предложена Л. Маргетичем. Исходя из того, что Борна был назван в «Анналах королевства франков» правителем гудусканов, вероятнее всего, населявших область Гацка в хинтерланде Либурнии, а Мислав и Трпимир располагали владениями в центральной части Далмации — в окрестностях Сплита и Трогира, исследователь предположил, что в промежуток между 821 и 839 гг. в Хорватии имел место переход власти от одного рода к другому[94]. Оставляя в стороне вопрос о титуловании Борны правителем гудусканов, которое, на наш взгляд, не следует рассматривать как указание на источник его власти[95], заметим, что идею Маргетича делает привлекательной сам факт наличия двух областей ранней хорватской потестарности, формирование которых, насколько можно судить, не было синхронным. В то время как в районе Книнского поля, судя по материалам раскопок, уже около 800 г. концентрировалась хорватская воинская элита, политически связанная с франками, в приморской части Далмации между реками Крка и Цетина, то есть как раз на территории, тяготевшей к Трогиру и Сплиту, не удалось обнаружить воинских захоронений с предметами франкского вооружения, столь характерных для Книнского поля и области Равни Котари, тяготевшей к Задару[96].

Между тем, именно вблизи Трогира и Сплита во второй трети IX в. фиксируются хорватские центры власти — Клис под Сплитом, впервые упомянутый в грамоте Трпимира как «двор» (*curtis*) Мислава[97], Биячи под Трогиром — место, где были обнародованы грамоты Трпимира и Мунцимира[98], а также «двор св. Мартина» (*sancti*

[92] «Multa fatigatio Langobardi et opressio a Sclavorum gens sustinuit, usque dum imperator Foroiulanorum fines Ebherardo principem constituit» (Documenta. P. 364; Andreae Bergomatis Historia // MGH. Scriptores rerum Langobardicarum / Ed. G. Waitz. Hannover, 1878. P. 226).

[93] «Te tremit armipotens Sclavus, Saracenus et hostis» (Gradivo za zgodovino Slovencev v srednjem veku / Zbral F. Kos. Kn. II (801–1000). Ljubljana, 1906. S. 150–151).

[94] *Margetić L.* 1) Ugovor Mletaka… S. 231–232; 2) Bilješke u vezi s nastankom hrvatske države u 9. stoljeću // Etnogeneza Hrvata. S. 144–147; 3) O Borni, vojvodi Gačana // Prošlost obvezuje: Povijesni korijeni Gospićko-Senjske biskupije: Zbornik biskupa Mile Bogovića / Ur. F. E. Hoško. Rijeka, 2004. S. 92–93.

[95] См. об этом: *Алимов Д. Е.* Полития Борны… С. 108–112.

[96] См.: *Milošević A.* Karolinški utjecaji u Hrvatskoj kneževini u svjetlu arheoloških nalaza // Hrvati i Karolinzi. Dio I: Rasprave i vrela. Split, 2000. S. 116–117.

[97] «…ex curte nostra, que Clisa dicitur…» (CD. Vol. I. S. 5).

[98] В грамоте Трпимира указывается, что она была дана «в месте, которое называется Биячи»: «Actum in loco, qui dicitur Byaci…» (CD. Vol. I. S. 5). Здесь же перед церковью св. Марты в 892 г.

Martini curtis), упомянутый Иоанном Диаконом как место заключения мира между Миславом и дуксом (дожем) венетиков Петром Традоником[99]. Более того, именно на территории Каштеланского поля между Трогиром и Сплитом, и, вероятно, также к востоку от Сплита — в приморской части Полицы между реками Жрновница и Цетина, находились в IX столетии и земельные владения хорватских правителей, из которых они делали свои пожалования церкви.

Так, по сообщению грамоты Трпимира, в которой говорится о пожалованиях хорватского правителя Сплитской церкви в ответ на помощь, оказанную сплитским архиепископом при строительстве монастыря в Рижинице[100], архиепископ попросил

была обнародована и грамота Мунцимира: «Actum est in Biaci ante fores ecclesiae sanctae Martae martirae…» (CD. Vol. I. S. 24). Открытые археологами рядом с церковью св. Марты остатки античных строений, использовавшиеся в раннее Средневековье, вместе с происходящими из данного комплекса скульптурными деталями позволяют говорить о существовании в Биячи резиденции хорватского правителя, близкой по своим функциям другим дворцовым комплексам каролингской Европы (см.: *Marasović T.* Bijaći u svjetlu proučavanja ranosrednjovjekovnih vladarskih rezidencija // SHP. Ser. III. 1999. Sv. 26. S. 331–359).

[99] См. примеч. 89. — Несмотря на дискуссионность вопроса о том, где точно следует локализовать двор св. Мартина, учитывая то обстоятельство, что дож, заключив мир с Миславом, сразу отплыл к неретвлянам, владения которых начинались за рекой Цетиной, вряд ли можно сомневаться в том, что *curtis* располагался где-то поблизости от Сплита. Наиболее убедительным вариантом локализации куртиса остается, на наш взгляд, его привязка к церкви св. Мартина в Подстране (в приморской части Полицы), предложенная еще Ф. Шишичем (*Šišić F.* Povijest Hrvata… S. 328, bilj. 22). В пользу данной локализации свидетельствует, прежде всего, расположение данного храма, упоминаемого уже в 1080 г., неподалеку от морского побережья и близость к неретвлянским землям. Впрочем, нельзя исключать и расположения куртиса и на территории между Сплитом и Трогиром, хотя в этом случае на путешествие к неретвлянам дож должен был затратить куда больше времени, огибая Сплит. В этом районе известны три посвященные св. Мартину средневековые церкви, причем в месте расположения одной из них (село Крушевик) засвидетельствована топонимика, возможно, свидетельствующая о существовании здесь княжеского имения. В. Омашич, обративший внимание на это обстоятельство, склонен локализовать куртис Мислава именно здесь (*Omašić V.* Povijest Kaštela: Od početaka do kraja XVIII stoljeća. Split, 1986. S. 36–42; см. также: *Ančić M.* Od vladarske curtis do gradskoga kotara. Bijaći i crkva sv. Marte od početka 9. do početka 13. stoljeća // SHP. Ser. III. 1999. Sv. 26. S. 224). Менее убедительной представляется нам недавняя попытка Милана Иванишевича локализовать куртис св. Мартина на полуострове (в прошлом — острове) Враниц в Солинском заливе. Отвергая локализацию Ф. Шишича на том основании, что власть хорватского правителя в полицком приморье не подтверждается надежными источниками (свидетельство грамоты Трпимира о подтверждении хорватским дуксом прав сплитского архиепископа на приобретенную им землю в Тугари М. Иванишевич вслед за Н. Клаич склонен считать результатом позднейшей интерполяции), исследователь привязывает куртис св. Мартина к церкви святых Мартина и Стефана и святой Девы Марии, упомянутой в середине X в. в грамоте Михаила Крешимира II (*Ivanišević M.* Otok hrvatskoga vladara // Tusculum. 2008. Vol. 1. S. 109–124). Между тем, ни посвящение церкви, ни содержащееся в грамоте свидетельство об ее постройке в середине X в. не позволяют, на наш взгляд, предпочесть эту гипотезу остальным. О проблеме наличия владений хорватского правителя в Полице см. ниже примеч. 105.

[100] Аутентичность грамоты в том виде, в каком она дошла до нас (в списках XVI–XVII вв., восходящих, в свою очередь, к утраченному списку 1333 г.), вызывает споры в историографии, однако при этом, как правило, не ставится под сомнение наличие в ее тексте относящегося к IX в. ядра. Привлекая сведения данного источника, касающиеся церкви св. Георгия в Путале и земельных владений Мислава и Трпимира, мы исходим из того, что они относятся к древнейшему слою памятника. Протограф грамоты был создан между 839 и 844 гг.: *Margetić L.* Bilješke uz Trpimirovu ispravu (CD I, 3–8) // Zbornik radova Pravnog fakulteta u Splitu. Split, 1993. God. 30. Br. 1. S. 48; *Matijević Sokol M.* 1150. obljetnica darovnice kneza Trpimira // 100 godina Arheološkog

хорватского дукса закрепить за церковью св. Георгия в Путале — небольшом селении, располагавшемся на обращенных к морю склонах Козьяка (в границах Каштел-Сучурца в Каштеле) — все ее земельные владения и сервов. При этом сообщается, что данная церковь была освящена предшественником Трпимира Миславом, который и даровал ей названные владения[101]. В этой же грамоте помимо Путаля упоминаются еще два места, где сплитский архиепископ, по словам источника, делал приобретения и получал пожалования от хорватского дукса — Лажани (в границах Каштел-Камбеловца в Каштеле) и Тугари (на обращенных к морю склонах горной гряды Мосор в Полице)[102]. Как явствует из текста грамоты, Трпимир не только подтвердил права Сплитской архиепископии на все названные участки земли и проживавших на них сервов[103], но и сделал новое земельное пожалование в пользу Сплитской церкви, выделив для этого участок королевской территории (*territorium regale*), которая, судя по контексту, также располагалась где-то в пределах Каштеланского поля[104]. Наличие в указанных районах, входивших в раннее Средневековье в состав Приморской (Клишской) жупании[105], участков королевской земли, принадлежавшей Трпимировичам, а позднее

---

muzeja Istre u Puli: Nova istraživanja u Hrvatskoj. Znanstveni skup, Pula, 8.–12. listopada 2002. / Odgovorni ur. D. Komšo. Zagreb, 2010. S. 13–14.

[101] «…ut […] detis ecclesie beati Georgii in loco, qui dicitur Putalio, omnia que obtinet possessionum, seruos quidem et ancillas, que Mislauo duce ipsam ecclesiam, cum dedicata uidetur et ab ipso supradicto duce donis ditatam simili modo et priuilegii censura» (CD. Vol. I. S. 5). О селении Путаль см.: *Burić T.* Villa sancti Georgii de Putalio // SHP. Ser. III. 1984. Sv. 14. S. 305–324.

[102] CD. Vol. I. S. 5.

[103] Соотношение между пожалованиями Мислава и Трпимира остается не вполне ясным. В петиции грамоты при глаголе «detis» одновременно наличествуют два косвенных дополнения: архиепископ Петр просит Трпимира подтвердить «в пользу названной матери-церкви» (ut in fatam matrem ecclesiam), то есть Сплитской архиепископии, дарения, сделанные «церкви святого Георгия» (ecclesie beati Georgii). Таким образом, из текста грамоты вроде бы следует, что еще Мислав передал построенную им церковь вместе с землями Сплитской архиепископии. Между тем, в случае принятия конъектуры М. Барады, предложившего в свое время читать «*ecclesiam*» вместо «*ecclesie*» в словах «detis ecclesie beati Georgii», получалось бы, что Трпимир передал Сплитской архиепископии церковь св. Георгия, которую построил и одарил владениями Мислав. Такое чтение согласуется с информацией грамоты Мунцимира, подтверждающей дарения Трпимира Сплитской архиепископии. В ней передача храма св. Георгия Сплитской церкви прямо связывается с именем Трпимира (CD. Vol. I. S. 23). К этому следует добавить и то, что анализ О. Перич дал основания говорить о наличии в тексте петиции двух языковых слоев, причем та фраза петиции, где упоминается Сплитская архиепископия, по всей видимости, относится к младшему слою: *Perić O.* Jezični slojevi Trpimirove isprave // Жива антика. Скопје, 1984. Год. 34. Св. 1–2. С. 168–169.

[104] CD. Vol. I. S. 5.

[105] Н. Клаич отрицала достоверность известий грамоты Трпимира о владениях архиепископа в Тугари, ссылаясь на то, что в Супетарском картулярии тугаране выступали в качестве свидетелей, что, конечно, было бы невозможно в том случае, если бы они были принадлежащими архиепископу сервами (*Klaić N.* Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku. Zagreb, 1975. S. 237). На излишнюю прямолинейность подобного умозаключения указал Марушич, отметив, что во времена Трпимира название Тугари могло прилагаться к местности, а не к конкретному селению (*Marušić J. B.* O poljičkim Tugarima u Trpimirovoj darovnici i supetarskom kartularu // Crkva u svijetu. 1974. Sv. 9. Br. 1. S. 97–101). Подробную аргументацию в пользу того, что в раннее Средневековье полицкое приморье контролировалось хорватскими правителями, а не неретвлянами, см.: *Laušić A.* Pripadnost i uloga srednjovjekovnih Poljica u vrijeme hrvatskih narodnih vladara // RZHP. 1989. Sv. 22. S. 23–30; *Margetić L.* Povezanost strukture hrvatskog društva i političkih odnosa u srednjem vijeku (do pojave staleža) // Rad HAZU. 2003. Knj. 487. S. 56–74.

перешедшей в руки новой династии Арпадов, фиксируется и более поздними источниками XI–XIII вв.[106]

Вопрос, почему земли Трпимировичей концентрировались именно на территории Клишской жупании, остается открытым. Нам представляется, что экспансия хорватов в приморскую зону едва ли могла сразу превратить обширную территорию от Трогира до Сплита в пользовавшуюся особым статусом «королевскую землю»[107]. Более вероятным представляется первоначальное закрепление здесь отдельных родов, подобных тем «*generationes Sclavorum*», что так беспокоили франков в 840 г. Не был ли Мислав в таком случае представителем одного из таких родов, сумевшего в свое время закрепиться на ближайших подступах к Сплиту и Трогиру? Если перенос власти из одного центра в другой действительно имел место, то, пожалуй, стоит обратить внимание еще на одно обстоятельство — посвящение церкви, которую воздвиг Мислав, св. Георгию, чей культ в процессе христианизации славянского мира нередко выступал в качестве своеобразной христианской замены почитания Перуна. Выше уже отмечалось, что в местностях неподалеку от Сплита локализуются два сакральных ландшафта, связанных с почитанием Перуна (в Полице и Каштеле). Примечательно, что оба святилища оказываются, таким образом, в пределах того самого района, где находились земельные владения Мислава и Трпимира. О том, что в данном районе культ св. Георгия, скорее всего, был непосредственно связан с культом Перуна, свидетельствует и существование сразу двух посвященных св. Георгию церквей на горе Перун над Жрновницей (на восточном склоне горного гребня над Верхней Подстраной и на вершине Перунско)[108].

Добавим к этому и то, что, по информации грамоты Трпимира, Мислав не просто построил церковь, но начал отчислять в ее пользу десятину с доходов своего куртиса в Клисе[109]. Существование в Хорватии десятины от княжеских доходов (шедшей при этом на содержание конкретной церкви) существенно отличает Хорватию от Франкского государства, где десятина взималась со всего населения в рамках диоцезов, но, как ни странно, находит аналогию в церковных порядках, существовавших позднее, в X–XII вв., в ряде славянских стран (Чехия, Поморское княжество, Польша, Русь). В этих странах в первое время после принятия в них христианства десятина также взималась не с населения, а с княжеских доходов, причем, как и в хорватском случае, порою шла на содержание отдельных церквей или монастырей[110]. Существование в Хорватии, тес-

[106] См.: *Barada M*. Hrvatski vlasteoski feudalizam po Vinodolskom zakonu. Zagreb, 1952. S. 23–26; *Ančić M.* Od vladarske curtis do gradskoga kotara… S. 195–212.

[107] М. Анчич, посвятивший специальное исследование земельному владению хорватского правителя в Биячи, записал всю территорию от Трогира до Сплита в состав куртиса хорватского правителя, полагая, что именно этим объясняется отсутствие здесь воинских захоронений: хорватский дукс на этой территории не делил свою власть с воинским слоем и родовой аристократией (*Ančić M.* Od vladarske curtis do gradskoga kotara… S. 205–210). Оставляя работу М. Анчича без заслуживаемого ею подробного комментария, так как в противном случае нам бы пришлось выйти далеко за пределы темы настоящей статьи, осмелимся, однако, высказать мнение, что исследователь преувеличил возможности хорватского правителя, по крайней мере, применительно к интересующему нас древнейшему периоду.

[108] *Pleterski A*. Kulturni genom… S. 304–305.

[109] «…et ut singulis annis de omnibus nascentibus terre ex curte nostra, que Clisa dicitur, decime inferrantur in memoratam ecclesiam, quas decimas antecessor noster Mislauus dare cepit» (CD. Vol. I. S. 5).

[110] Единственным отличием от Хорватии было то, что княжеский доход, с которого взималась десятина в перечисленных славянских странах, зачастую включал в себя не только доходы с собственно княжеских земель, но и налоговые поступления со всего подвластного князю населения, что объясняется наличием в этих странах так называемой «централизованной эксплуатации».

нейшим образом связанной с империей Каролингов, княжеской десятины и особого «десятинного храма» представляется довольно необычным явлением. Думается, что это обстоятельство, особенно если рассматривать его в одном контексте с посвящением воздвигнутого Миславом храма св. Георгию, может быть интерпретировано если не как акт благочестия славянского князя-неофита, то, по крайней мере, как показатель того, что род, к которому принадлежал Мислав, приобщился к христианству не очень давно[111].

Суммируя сказанное, позволим себе задаться вопросом: не явился ли эпизод хорватской традиции, повествующий о борьбе хорватов с франками, отражением некого неизвестного нам по другим источникам конфликта между христианизированной профранкской элитой из области Книна и какого-либо могущественного рода из района Каштелы, еще хранившего языческие традиции? Вопрос этот по понятным причинам остается без ответа, но в свете предложенного выше понимания хорватского «этногенеза» догадка, сформулированная подобным образом, не кажется совсем уж невероятной. Возможно, не стоит тогда считать ошибочным мнение тех историков XVII – первой половины XIX в., которые, пытаясь примирить друг с другом сведения 30-й главы трактата императора Константина с информацией франкских источников, считали возможным поместить деятельность Порина в период между правлениями Владислава и Мислава, ведь именно в этот промежуток времени создались условия для борьбы за власть в потестарных структурах хинтерланда Далмации. Правда, в свете гипотезы Милошевича хронологические выкладки Дюканжа и его позднейших единомышленников нуждаются в одном существенном уточнении: Порин, видимо, был не земным, а небесным правителем хорватов.

Данные о статье

Автор: Алимов, Денис Евгеньевич — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, кандидат исторических наук, доцент, d.alimov@spbu.ru

Заголовок: Хорваты, культ Перуна и славянский «гентилизм» (Комментарий к гипотезе Анте Милошевича о тождестве Порина и Перуна)

Вместе с тем, в источниках фиксируются и случаи предоставления десятины, совершенно аналогичные хорватскому. Ср., например, формулировку из грамоты чешского князя Болеслава II основанному им в 993 г. Бржевновскому монастырю: «от моего двора в Радотине десятину от всех продуктов» (*de curia mea Radotin decimam de omni provento*) (*Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007. С. 11).

[111] Здесь уместно вспомнить, что факт существования княжеской десятины именно в славянских странах в эпоху раннего Средневековья способствовал появлению гипотезы об исконно славянских истоках княжеской десятины, будто бы связанных с традицией отчисления десятины языческим храмам (зафиксированной в XII в. у балтийских славян) (см.: *Щапов Я. Н.* Церковь в системе государственной власти Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 315–325). Между тем, более вероятно то, что десятина, пришедшая к славянам из Франкской державы, превратилась в княжескую десятину просто под воздействием социально-политического устройства ранних славянских государств. При этом появление княжеской десятины в Чехии (из которой она могла прийти в Польшу, откуда затем распространиться на Русь), скорее всего, следует связывать с институциональным наследием находившейся под влиянием франков Великой Моравии (см. об этом: *Костромин К. А.* Происхождение и функция древнерусской церковной десятины и западноевропейские аналоги // Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. Альманах. Вып. 1. СПб.; Казань, 2014. С. 35–62; *Петрухин В. Я.* Проблема происхождения древнерусской десятины: «Ветхий завет» и древнерусская традиция // Florilegium: К 60-летию Б. Н. Флори. М., 2000. С. 272).

Резюме: В статье в широком сравнительно-историческом контексте обсуждается гипотеза хорватского исследователя Анте Милошевича, согласно которой легендарный хорватский правитель Порин, упомянутый в 30-й главе трактата византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» (середина X в.), тождественен Перуну, славянскому богу грозы. Автор обращает внимание на то, что предложенное Милошевичем отождествление хорошо сочетается с фактом наличия в рассказе 30-й главы структурных элементов, характерных для раннесредневековых памятников жанра «origo gentis». Автор показывает, что интерпретация сюжета 30-й главы о взаимоотношениях хорватов с франками в методологической парадигме концепции этногенеза Р. Венскуса и так называемой Венской школы лежит в русле антропологических подходов, что усиливает концепцию Милошевича. Автор осуществляет попытку интерпретировать появление Перуна в хорватской традиции в контексте формирования хорватского гентильного королевства в результате ослабления франкского контроля над Далмацией около 828 г. Автор указывает на район Каштелы в качестве возможного места базирования антифранкской элиты, пришедшей к власти в Далмации во второй четверти IX столетия.

Ключевые слова: Порин, Перун, этногенез, gens, origo gentis

Литература, использованная в статье

Алимов, Денис Евгеньевич. «Переселение» и «крещение»: К проблеме формирования хорватской этничности в Далмации // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2008. № 2 (4). С. 94–116.

Алимов, Денис Евгеньевич. Хорваты и горы: К вопросу о характере хорватской идентичности в Аварском каганате // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2010. № 2 (8). С. 135–160.

Алимов, Денис Евгеньевич. Полития Борны: *Gentes* и *Herrschaft* в Далмации в первой четверти IX века // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2011. № 1 (9). С. 101–142.

Алимов, Денис Евгеньевич. Готская теория происхождения хорватов: Pro et contra // Вопросы истории славян. Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2013. Вып. 21. С. 55–74.

Алимов, Денис Евгеньевич. Хорватская идентичность в раннее Средневековье: Проблема интерпретации // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 2. 2013. Вып. 4. С. 99–108.

Аничков, Евгений Васильевич. Язычество и древняя Русь. Репринтное издание 1914 г. Москва: Индрик, 2003. 440 с.

Белков, Павел Людвигович. «Эпос миграций» в системе атрибутов традиционной власти // Символы и атрибуты власти: Генезис, семантика, функции / Отв. ред. Попов, Владимир Александрович. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 1996. С. 63–71.

Будимир, Милан. Порфирогенит и наша народна традиција // Гласник Српске академије наука. 1949. Књ. I. Бр. 1–2. С. 243–245.

Васильев, Михаил Александрович. Язычество восточных славян накануне крещения Руси. Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. Москва: Индрик, 1998. 328 с.

Войтович, Леонтій Вікторович. Карпатські хорвати в етнополітичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього середньовіччя // Україна в Центрально-Східної Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). Київ, 2004. Вип. 4. С. 105–132.

Гейштор, Александр. Мифология славян / Пер. с польского А. М. Шпирта. Москва: Весь Мир, 2014. 384 с.

Дзино, Дэниел. «Становиться славянином», «становиться хорватом»: Новые направления в исследовании идентичностей позднеантичного и раннесредневекового Иллирика // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2008. № 2 (4). С. 37–58.

Иванов, Вячеслав Всеволодович. К этимологии балтского и славянского названия бога грома // Вопросы славянского языкознания. Москва: Издательство АН СССР, 1958. Вып. 3. С. 110–111.

Иванов, Вячеслав Всеволодович; Топоров, Владимир Николаевич. Исследования в области славянских древностей. Москва: Наука, 1974. 342 с.

Измайлов, Искандер Лерунович. Средневековые булгары: Этнополитическая и этноконфессиональная общность // История татар с древнейших времен: В 7 т. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань: Издательство «РухИЛ», 2006. С. 631–649.

Клейн, Лев Самойлович. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. Санкт-Петербург: Евразия, 2004. 480 с.

Костромин, Константин Александрович. Происхождение и функция древнерусской церковной десятины и западноевропейские аналоги // Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. Альманах. Вып. 1. Санкт-Петербург; Казань, 2014. С. 35–62.

Кулишић, Шпиро; Петровић, Петар Ж.; Пантелић, Никола. Српски митолошки речник. Београд: Нолит, 1970. 328 с.
Майоров, Александр Вячеславович. Великая Хорватия: Этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. 209 с.
Петрухин, Владимир Яковлевич. Проблема происхождения древнерусской десятины: «Ветхий завет» и древнерусская традиция // Florilegium: К 60-летию Б. Н. Флори. Москва: Языки русской культуры, 2000. С. 265–276.
Петрухин, Владимир Яковлевич. Мифы финно-угров. Москва: Астрель; АСТ: Транзиткнига, 2005. 463 с.
Петрухин, Владимир Яковлевич. «Русь и вси языци». Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. Москва: Языки славянских культур, 2011. 384 с.
Ронин, Владимир Карлович. Франко-хорватские отношения в трактате Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» // Византийский временник. 1983. Т. 44. С. 60–67.
Рыбаков, Борис Александрович. Язычество древних славян. Изд. 2-е. Москва: Наука, 1994. 608 с.
Рыбаков, Борис Александрович. Язычество Древней Руси. Москва: Академический Проект, 2013. 805 с.
Толочко, Алексей Петрович. Очерки начальной Руси. Киев; Санкт-Петербург: Лаурус, 2015. 336 с.
Тржештик, Душан. Славянские этногенетические легенды и их идеологическая функция // Studia Balcanica, 20. Раннефеодальные славянские государства и народности. София, 1991. С. 35–42 .
Флоря, Борис Николаевич. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье. Москва: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2007. 436 с.
Щавелёв, Алексей Сергеевич. Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. Москва: Северный паломник, 2007. 272 с.
Щапов, Ярослав Николаевич. Церковь в системе государственной власти Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. Москва: Наука, 1965. С. 279–354.
Ančić, Mladen. Od vladarske curtis do gradskoga kotara. Bijaći i crkva sv. Marte od početka 9. do početka 13. stoljeća // Starohrvatska prosvjeta. Ser. III. 1999. Sv. 26. S. 189–236.
Ančić, Mladen. Ranosrednjovjekovni Neretvani ili Humljani: Tragom zabune koju je prouzročilo djelo De administrando imperio // Hum i Hercegovina kroz povijest. Zbornik radova. Knj. I / Ur. I. Lučić. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, 2011. S. 217–278.
Ančić, Mladen. Zamišljanje tradicije: Vrijeme i okolnosti postanka 30. glave djela De administrando imperio // Radovi Zavoda za hrvatsku povijest. 2010. Knj. 42. S. 133–152.
Barada, Miho. Hrvatski vlasteoski feudalizam po Vinodolskom zakonu. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1952. 133 s.
Basić, Ivan. Neka pitanja tekstualne transmisije izvora Porfirogenetovih poglavlja o Dalmaciji // Radovi Zavoda za hrvatsku povijest. 2012. Knj. 44. S. 175–196.
Belaj, Vitomir; Belaj, Juraj. Sveti trokuti. Topografija hrvatske mitologije. Zagreb: Ibis grafika: Institut za arheologiju: Matica hrvatska, 2014. 483 s.
Borri, Francesco. White Croatia and the arrival of the Croats: An interpretation of Constantine Porphyrogenitus on the oldest Dalmatian history // Early Medieval Europe. 2011. Vol. 19 (2). P. 204–231.
Bowlus, Charles R. Ethnogenesis models and the age of migrations: A critique // Austrian History Yearbook. 1995. Vol. XXVI. P. 147–164.
Bowlus, Charles R. Ethnogenesis: The tyranny of a concept // On barbarian identity: Critical approaches to ethnicity in the early Middle Ages / Ed. by A. Gillett. Turnhout: Brepols, 2002. P. 241–256.
Budak, Neven. Prva stoljeća Hrvatske. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 1994. 248 s.
Budak, Neven. Tumačenje podrijetla Hrvata i najstarije povijesti Hrvata u djelima srednjovjekovnih pisaca // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. Zagreb, 1995. S. 73–78.
Budak, Neven. Hrvati u ranom srednjem vijeku // Povijest Hrvata. Knj. 1: Srednji vijek / Glavni urednik Franjo Šanjek. Zagreb: Školska knjiga, 2003. S. 49–79.
Budak, Neven. Identities in early medieval Dalmatia (7th–11th century) // Franks, Northmen, and Slavs: Identities and state formation in early medieval Europe / Ed. by Ildar H. Garipzanov, Patrick J. Geary, and Przemysław Urbańczyk. Turnhout: Brepols, 2008. P. 223–241.
Burić, Tonči. Villa sancti Georgii de Putalio // Starohrvatska prosvjeta. Ser. III. 1984. Sv. 14. S. 305–324.
Burić, Tonči. Perunovo brdo (*monte Borun*) — prilog poznavanju poganske slavenske toponimije u Kaštelima // Starohrvatska prosvjeta. Ser. III. 2011. Sv. 38. S. 59–82.

Bystrický, Peter. Longobardskí králi 488–572 // Vojenska historia. Časopis pre vojensku historiu, muzejnictvo a archivnictvo. Bratislava, 2007. Roč. 11 (2). S. 3–21.
Curta, Florin. The making of the Slavs: Between ethnogenesis, invention, and migration // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2008. № 2 (4). C. 155–172.
Dümmler, Ernst. Über die älteste Geschichte der Slawen in Dalmatien. (549–928.) // Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Clasee der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Wien: W. Baumüller, 1856. Bd XX. S. 353–430.
Dzino, Danijel. Novi pristupi izučavanju ranog hrvatskog identiteta // Radovi Zavoda za hrvatsku povijest. 2009. Knj. 41. S. 33–54.
Dzino, Danijel. Pričam ti priču: Ideološko-narativni diskursi o dolasku Hrvata u De administrando imperio // Radovi Zavoda za hrvatsku povijest. 2010. Knj. 42. S. 153–165.
Dzino, Danijel. Becoming Slav, becoming Croat: Identity transformations in post-Roman and early medieval Dalmatia. Leiden: Brill, 2010. 272 p.
Dzino, Danijel. Local knowledge and wider contexts: Stories of the arrival of the Croats in De Administrando Imperio in the past and present // Byzantium, its neighbours and its cultures / Ed. by Danijel Dzino and Ken Parry (Byzantina Australiensia 20). Sydney: Australian Association for Byzantine Studies, 2014. P. 89–104.
Gillett, Andrew. Was ethnicity politicized in the earliest medieval kingdoms? // On barbarian identity: Critical approaches to ethnicity in the early Middle Ages / Ed. by A. Gillett. Turnhout: Brepols, 2002. P. 85–121.
Gillett, Andrew. Ethnogenesis: A contested model of early medieval Europe // History Compass. 2006. Vol. 4. P. 241–260.
Goffart, Walter. The narrators of barbarian history (A. D. 550–800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon. Princeton (New Jersey): Princeton University Press, 1988. 512 p.
Goffart, Walter. Does the distant past impinge on the Invasion Age Germans? // On barbarian identity: Critical approaches to ethnicity in the Early Middle Ages / Ed. by A. Gillett. Turnhout: Brepols, 2002. P. 21–37.
Grafenauer, Bogo. Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogeneta o doseljenju Hrvata // Historijski zbornik. 1952. God. V. Br. 1–2. S. 1–56.
Grafenauer, Bogo. Vprašanje konca Kocljeve vlade v Spodnji Panoniji // Zgodovinski časopis. 1952–1953. Letnik VI–VII (Kosov zbornik). S. 171–190.
Guldescu, Stanko. History of medieval Croatia. The Hague: Mouton, 1964. 351 p.
Hauptmann, Ljudmil. Mejna grofija spodnjepanonska // Razprave znanstvenega društva za humanistične vede v Ljubljani. 1923. Kn. 1. S. 311–357.
Hauptmann, Ljudmil. Dolazak Hrvata // Zbornik kralja Tomislava (Posebna izdanja Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Knj. 17). Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1925. S. 86–127.
Hauptmann, Ljudmil. Koje su sile hrvatske povijesti odlučivale u vrijeme narodne dinastije // Zbornik kralja Tomislava (Posebna izdanja Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Knj. 17). Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1925. S. 165–187.
Hauptmann, Ljudmil. Konstantin Porfirogenit o porijeklu stanovništva dubrovačkoga zaleđa // Zbornik iz dubrovačke prošlosti: Milanu Rešetaru o 70-oj godišnjici života prijatelji i učenici. Dubrovnik: Jadran, 1931. S. 17–24.
Hauptmann, Ljudmil. Podrijetlo hrvatskoga plemstva // Rad Hrvatske akademije znanosti i umjetnosti. 1942. Knj. 273. S. 19–112.
Heather, Peter J. Ethnicity, group identity, and social status in the Migration period // Franks, Northmen, and Slavs: Identities and state formation in early medieval Europe / Ed. by Ildar H. Garipzanov, Patrick J. Geary, and Przemysław Urbańczyk. Turnhout: Brepols Publishers, 2008. P. 17–49.
Hedeager, Lotte. The creation of Germanic identity. A European origin myth // Frontiéres d'Empire. Nature et signification des frontiéres romaines / Ed. par P. Brun, S. Van der Leeuw, C. Whittaker. Nemours, 1993. P. 121–132.
Hedeager, Lotte. Cosmological endurance: Pagan identities in early Christian Europe // Journal of European Archaeology. 1998. Vol. 3. P. 383–397.
Hedeager, Lotte. Migration period Europe: The formation of a political mentality // Rituals of power: From Late Antiquity to the Early Middle Ages / Ed. by F. Thews and J. L. Nelson (The Transformation of the Roman World. Vol. 8). Leiden; Boston; Köln: Brill, 2000. P. 15–57.
Hobsbawm, Eric; Ranger, Terence (eds). The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 320 p.
Ivanišević, Milan. Otok hrvatskoga vladara // Tusculum. 2008. Vol. 1. S. 109–124.

Kalhous, David. Anatomy of a Duchy. The Political and Ecclesiastical Structures of Early Přemyslid Bohemia. Leiden; Boston: Brill, 2012. 350 s.
Kasperski, Robert. Problem etnogenezy Gotów w ujęciu Herwiga Wolframa: Refleksje nad metodą // Kwartalnik historyczny. 2011. Rocznik 118. Z. 3. S. 399–430.
Kasperski, Robert. Teodoryk Wielki i Kasjodor. Studia nad tworzeniem «tradycji dynastycznej Amalów». Kraków: Universitas, 2013. 298 s.
Katičić, Radoslav. «Bog Hrvata» u Konstantina Porfirogeneta // Zbornik u čast Petru Skoku o stotoj obljetnici rođenja (1881–1956). Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1985. S. 237–247.
Katičić, Radoslav. Vetustiores ecclesiae spalatensis memoriae // Starohrvatska prosvjeta. Ser. III. 1987. Sv. 17. S. 17–51.
Katičić, Radoslav. Božanski boj — tragovima svetih pjesama naše pretkršćanske starine. Zagreb; Mošćenička Draga: Ibis grafika: Odsjek za etnologiju i kulturnu antropologiju Filozofskog fakulteta Sveučilišta u Zagrebu: Katedra čakavskog sabora Općine Mošćenička draga, 2008. 386 s.
Klaić, Nada. Marginalia uz problem doseljenja Hrvata // Hauptmannov zbornik (Razprave SAZU. Knj. V). Ljubljana: SAZU, Razred za zgodovinske in družbene vede, 1966. S. 19–35.
Klaić, Nada. Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku. 2. izd. Zagreb: Školska knjiga, 1975. 595 s.
Košćak, Vladimir. O nekim pitanjima hrvatske povijesti u ranom srednjem vijeku // Historijski zbornik. 1984. God. XXXVII (1). S. 211–234.
Krause, Hermann Leopold. Res Slavorum in imperiorum occidentalis et orientalis confinio habitantium saeculo IX. Pars I. Berolini: Typis Gustavi Schade, 1854. 56 p.
Lajoye, Patrice. There is no «Perun in the Caucasus»… but maybe an ancient Iranian thunder demon // Studia Mythologica Slavica. 2012. Vol. XV. P. 179–184.
Laušić, Ante. Pripadnost i uloga srednjovjekovnih Poljica u vrijeme hrvatskih narodnih vladara // Radovi Zavoda za hrvatsku povijest. 1989. Sv. 22. S. 23–48.
Levak, Maurizio. Slaveni vojvode Ivana. Kolonizacija Slavena u Istri u početnom razdoblju franačke uprave. Zagreb: Leykam international, 2007. 143 s.
Liebeschuetz, Wolf. The debate about the ethnogenesis of the Germanic tribes // From Rome to Constantinople: Studies in honour of Averil Cameron / Ed. by H. Amirav and Bas ter Haar Romeny. Leuven: Peeters, 2007. P. 341–355.
Lončar, Miljenko. Porfirogenetova seoba Hrvata pred sudom novije literature // Diadora. 1992. Sv. 14. S. 375–448.
Marasović, Tomislav. Bijaći u svjetlu proučavanja ranosrednjovjekovnih vladarskih rezidencija // Starohrvatska prosvjeta. Ser. III. 1999. Sv. 26. S. 331–359.
Margetić, Lujo. Konstantin Porfirogenet i vrijeme dolaska Hrvata // Zbornik Historijskog zavoda Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Zagreb, 1977. Knj. 8. S. 5–88.
Margetić, Lujo. Ugovor Mletaka i italskih gradova contra generationes Sclavorum (840.) // Historijski zbornik. 1988. God. XLI (1). S. 217–235.
Margetić, Lujo. Bilješke uz Trpimirovu ispravu (CD I, 3–8) // Zbornik radova Pravnog fakulteta u Splitu. 1993. God. 30. Br. 1. S. 47–51.
Margetić, Lujo. Bilješke u vezi s nastankom hrvatske države u 9. stoljeću // Etnogeneza Hrvata / Ur. Neven Budak. Zagreb: Nakladni zavod Matice hrvatske: Zavod za hrvatsku povijest Filozofskog fakulteta, 1995. S. 144–147.
Margetić, Lujo. Povezanost strukture hrvatskog društva i političkih odnosa u srednjem vijeku (do pojave staleža) // Rad Hrvatske akademije znanosti i umjetnosti. 2003. Knj. 487. S. 1–150.
Margetić, Lujo. O Borni, vojvodi Gačana // Prošlost obvezuje: Povijesni korijeni Gospićko-Senjske biskupije: Zbornik biskupa Mile Bogovića / Urednik: Franjo Emanuel Hoško. Rijeka: Katolički bogoslovni fakultet Sveučilišta u Zagrebu — Teologija u Rijeci, 2004. S. 87–101.
Markotić, Vladimir. Ho ton Hrobaton Theos, Porphyrogenitus' God of the Croats // Mandićev zbornik. U čast o. dra Dominika Mandića prigodom njegove 75-godišnjice života. Rim: Hrvatski povijesni institut, 1965. S. 11–37.
Marušić, Juraj Božidar. O poljičkim Tugarima u Trpimirovoj darovnici i supetarskom kartularu // Crkva u svijetu. 1974. Sv. 9. Br. 1. S. 97–103.
Matijević Sokol, Mirjana. 1150. obljetnica darovnice kneza Trpimira // 100 godina Arheološkog muzeja Istre u Puli: Nova istraživanja u Hrvatskoj. Znanstveni skup, Pula, 8.–12. listopada 2002. / Odgovorni ur.

D. Komšo (Izdanja Hrvatskog arheološkog društva. Knj. 25). Zagreb: Hrvatsko arheološko društvo, 2010. S. 8–18.
Milošević, Ante. Karolinški utjecaji u Hrvatskoj kneževini u svjetlu arheoloških nalaza // Hrvati i Karolinzi. Dio I: Rasprave i vrela. Split: Muzej hrvatskih arheoloških spomenika, 2000. S. 106–139.
Milošević, Ante. Il bassorilievo altomedievale del cavaliere di Žrnovnica in Dalmazia // Godišnjak Centra za balkanološka ispitivanja ANUBiH. Sarajevo, 2008. Knj. 37/35. S. 181–217.
Milošević, Ante. Slika Božanskog boja — likovni i ikonografski pogled na konjanički reljef iz Žrnovnice u Dalmaciji // Perunovo koplje / Ur. A. Pleterski, T. Vinšćak (SMS — Supplementa. Vol. 4). Ljubljana: Založba ZRC, 2011. S. 17–72.
Milošević, Ante. Tko je Porin iz 30. glave De administrando imperio? // Starohrvatska prosvjeta. Ser. III. 2013. Sv. 40. S. 127–134.
Milošević, Ante. Tragovi starih vjerovanja u kršćanstvu ranoga srednjeg vijeka. Dubrovnik; Split: Omega engineering: Centar «Studia Mediterranea», 2013. 240 s.
Moisl, Hermann. Anglo-Saxon royal genealogies and Germanic oral tradition // Journal of Medieval History. 1981. Vol. 7. P. 215–248.
Murray, Alexander C. Reinhard Wenskus on «ethnogenesis», ethnicity, and the origin of the Franks // On barbarian identity: Critical approaches to ethnicity in the Early Middle Ages / Ed. by A. Gillett. Turnhout: Brepols, 2002. P. 39–68.
Mužić, Ivan. Slaveni, Goti i Hrvati na teritoriju rimske provincije Dalmacije. 4. prerađeno i dopunjeno izd. Split: Biblioteka Iberia, 1996. 528 s.
Mužić, Ivan. Svetojurjevska problematika u Hrvata i sveti Juraj na reljefu crkve u Žrnovnici // Starohrvatska problematika. Ser. III. 2011. Sv. 38. S. 187–213.
Omašić, Vjeko. Povijest Kaštela: Od početaka do kraja XVIII stoljeća. Split: Logos, 1986. 416 s.
Perić, Olja. Jezični slojevi Trpimirove isprave // Жива антика. Скопје, 1984. Год. 34. Св. 1–2. С. 165–170.
Pleterski, Andrej. The trinity concept in the Slavonic ideological system and the Slavonic spatial measurement system // Światowit. 1995. Vol. 40. S. 113–143.
Pleterski, Andrej. Strukture tridelne ideologije v prostoru pri Slovanih // Zgodovinski časopis. 1996. Letnik 50. Št. 2. S. 163–185.
Pleterski, Andrej. Kulturni genom: Prostor in njegovi ideogrami mitične zgodbe. Ljubljana: Založba ZRC, 2014. 408 s.
Smith, Julia M. H. Province and empire: Brittany and the Carolingians. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 257 p.
Smith, Julia M. H. Confronting identities: The rhetoric and reality of a Carolingian frontier // Integration und Herrschaft. Ethnische Identitäten und soziale Organisation im Frühmittelalter / Hrsg. von W. Pohl und M. Diesenberger. Wien, 2002. S. 169–182.
Šegvić, Kerubin. Gotsko podrijetlo Hrvata i kako nastade Hrvatska / Preveo i priredio Vlado Nuić. Split: HKD Napredak, 1997. 132 s.
Šišić, Ferdo. Genealoški prilozi o hrvatskoj narodnoj dinastiji // Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu. 1914. Sv. 13. Br. 1. S. 1–93.
Šišić, Ferdo. Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara. Pretisak izdanja iz 1925. Zagreb: Nakladni zavod Matice hrvatske, 1990. 749 s.
Todorov, Boris. Byzantine myths of origins and their functions // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2008. № 2 (4). С. 64–72.
Tolochko, Oleksij P. The Primary Chronicle's «Ethnography» revisited: Slavs and Varangians in the Middle Dnieper Region and the origin of the Rus' state // Franks, Northmen, and Slavs: identities and state formation in early medieval Europe / Ed. by Ildar H. Garipzanov, Patrick J. Geary, and Przemysław Urbańczyk. Turnhout: Brepols Publishers, 2008. P. 169–188.
Třeštík, Dušan. Mýty kmene Čechů (7.–10. století). Tři studie ke «Starým pověstem Českým». Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2003. 292 s.
Urbańczyk, Przemysław. Slavic and Christian identities during transition to the Polish statehood // Franks, Northmen, and Slavs: Identities and state formation in early medieval Europe / Ed. by Ildar H. Garipzanov, Patrick J. Geary, and Przemysław Urbańczyk. Turnhout: Brepols Publishers, 2008. P. 205–222.
Urbańczyk, Przemysław. Trudne początki Polski. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego Sp. z o. o., 2008. 420 s.
Vansina, Jan. Oral Tradition as History. Madison: University of Wisconsin Press, 1985. 258 p.

Wenskus, Reinhard. Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes. Köln; Graz: Böhlau Verlag, 1961. 656 s.
Wolfram, Herwig. Gothic history and historical ethnography // Journal of Medieval History. 1981. Vol. 7/4. P. 309–319.
Wolfram, Herwig. The image of Central Europe in Constantine VII Porphyrogenitus' // Constantine VII Porhyrogenitus and his age: Second International Byzantine conference (Delphi, 22-26 July 1987). Athens, 1989. P. 5–14.
Wolfram, Herwig. Einleitung oder Überlegungen zur *Origo Gentis* // Typen der Ethnogenese unter besonderer Berücksichtigung der Bayern. Teil I / Hrsg. von H. Wolfram und W. Pohl. Wien, 1990. S. 19–34.
Wolfram, Herwig. Origo et religio. Ethnic traditions and literature in early medieval texts // Early Medieval Europe. 1994. Vol. 3/1. P. 19–38.
Wolfram, Herwig. Origo et religio. Ethnic traditions and literature in early medieval texts // From Roman Provinces to Medieval Kingdoms / Ed. by Thomas F. X. Noble. London; New York: Routledge, 2006. P. 57–74.
Zaroff, Roman. Organized pagan cult in Kievan Rus'. The invention of foreign elite or evolution of local tradition? // Studia mythologica Slavica. 1999. Vol. II. P. 47–76.

Information about the article

Author: Alimov, Denis Evgenievich — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, Ph. D. in History, Associate Professor, d.alimov@spbu.ru

Title: The Croats, cult of Perun, and Slavic «*Gentilismus*». (A commentary to Ante Milošević's hypothesis on the identity of Porin and Perun)

Summary: The article discusses in a broad comparative historical context the hypothesis by the Croatian scholar Ante Milošević, according to which the legendary Croatian ruler Porin mentioned in the 30th chapter of the Byzantine emperor Constantine VII Porphyrogenitus's treatise *De administrando imperio* (mid-10th century) is identical to Perun, the old-Slavic god of thunder. The author draws attention to the fact that the proposed identification fits well to the fact that in the story of the 30th chapter there are structural elements typical for early medieval narratives of the genre «origo gentis». The author of the article demonstrates that the interpretation of the story of the 30th chapter on the Croats' relations with the Franks within the methodological paradigm of the ethnogenesis theory by R. Wenskus and the so-called Viennese school is in line with anthropological approaches that reinforces Ante Milošević's hypothesis. The author attempts to interpret the appearance of Perun in the Croat tradition in the context of the formation of the Croat gentile kingdom as a result of the weakening of the Frankish control over Dalmatia about the year 828. The author points to the area of Kaštela as a possible base of anti-Frankish elite that came to power in Dalmatia in the second quarter of the 9th century.

Keywords: Porin, Perun, ethnogenesis, gens, origo gentis

References

Alimov, Denis Evgenievich. Khorvaty i gory: K voprosu o kharaktere khorvatskoy identichnosti v Avarskom kaganate [The Croats and mountains: On the problem of the Croat identity within the Avar qaganate], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010. № 2 (8). P. 135–160 (in Russian).
Alimov, Denis Evgenievich. «Pereselenie» i «kreshchenie»: K probleme formirovaniya khorvatskoy etnichnosti v Dalmatsii [«Migration» and «conversion»: On the formation of the Croat ethnicity in Dalmatia], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. № 2 (4). P. 94–116 (in Russian).
Alimov, Denis Evgenievich. Gotskaya teoriya proiskhozhdeniya khorvatov: Pro et contra [The Gothic theory of Croat origins: Pro et contra], in *Voprosy istorii slavyan*. Voronezh: Voronezh State University Press, 2013. Issue 21. P. 55–74 (in Russian).
Alimov, Denis Evgenievich. Khorvatskaya identichnost' v rannee Srednevekov'e: Problema interpretatsii [The Croat identity in the early Middle Ages: The problem of interpretation], in *Vestnik SPbGU*. Ser. 2. 2013. Issue 4. P. 99–108 (in Russian).
Alimov, Denis Evgenievich. Politiya Borny: Gentes i Herrschaft v Dalmatsii v pervoy chetverti IX veka [Borna's polity: Gentes and Herrschaft in Dalmatia in the first quarter of the 9th century], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2011. № 1 (9). P. 101–142 (in Russian).
Ančić, Mladen. Od vladarske curtis do gradskoga kotara. Bijaći i crkva sv. Marte od početka 9. do početka 13. stoljeća [From the reignal curtis to the town borough. Bijaći and St. Marta's church from the early 9th to early 13th century], in *Starohrvatska prosvjeta*. Ser. III. 1999. Vol. 26. P. 189–236 (in Croatian).

Ančić, Mladen. Ranosrednjovjekovni Neretvani ili Humljani: Tragom zabune koju je prouzročilo djelo De administrando imperio [The early medieval Narentines or Chulmians. Tracing the confusion caused by the De administrando imperio], in Lučić, I. (ed.). *Hum i Hercegovina kroz povijest. Zbornik radova*. Vol. I. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, 2011. P. 217–278 (in Croatian).
Ančić, Mladen. Zamišljanje tradicije: Vrijeme i okolnosti postanka 30. glave djela De administrando imperio [Imagining the tradition: When and why the 30th chapter of the De administrando imperio was written], in *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest*. 2010. Vol. 42. P. 133–152 (in Croatian).
Anichkov, Evgeniy Vasilyevich. *Yazychestvo i drevnyaya Rus'* [*Paganism and ancient Rus'*]. Reprinted edition of 1914. Moscow: Indrik Publ., 2003. 440 p. (in Russian).
Barada, Miho. *Hrvatski vlasteoski feudalizam po Vinodolskom zakonu* [*The Croatian nobiliary feudalism according to the Vinodol statute*]. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1952. 133 p. (in Croatian).
Basić, Ivan. Neka pitanja tekstualne transmisije izvora Porfirogenetovih poglavlja o Dalmaciji [Some issues concerning the textual transmission of Porphyrogenitus' sources for the chapters on Dalmatia in the De administrando imperio], in *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest*. 2012. Vol. 44. P. 175–196 (in Croatian).
Belaj, Vitomir; Belaj, Juraj. *Sveti trokuti. Topografija hrvatske mitologije* [*Sacred triangles. The topography of Croatian mythology*]. Zagreb: Ibis grafika; Institut za arheologiju; Matica hrvatska Publ., 2014. 483 p. (in Croatian).
Belkov, Pavel Lyudvigovich. «Epos migratsiy» v sisteme atributov traditsionnoy vlasti [«Migration Epos» in the system of attributes of traditional power], in Popov, Vladimir Aleksandrovich (ed.). *Simvoly i atributy vlasti: Genezis, semantika, funktsii* [*Symbols and attributes of power: Genesis, semantics, functions*]. St. Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (RAS) (Kunstkamera) Publ., 1996. P. 63–71 (in Russian).
Borri, Francesco. White Croatia and the arrival of the Croats: An interpretation of Constantine Porphyrogenitus on the oldest Dalmatian history, in *Early Medieval Europe*. 2011. Vol. 19 (2). P. 204–231.
Bowlus, Charles R. Ethnogenesis models and the age of migrations: A critique, in *Austrian History Yearbook*. 1995. Vol. XXVI. P. 147–164.
Bowlus, Charles R. Ethnogenesis: The tyranny of a concept, in Gillett, Andrew (ed.). *On barbarian identity: Critical approaches to ethnicity in the early Middle Age*st. Turnhout: Brepols Publ., 2002. P. 241–256.
Budak, Neven. *Prva stoljeća Hrvatske* [*Croatia's first centuries*]. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada Publ., 1994. 248 p. (in Croatian).
Budak, Neven. Hrvati u ranom srednjem vijeku [Croats in the early Middle Ages], in Šanjek, Franjo (ed.). *Povijest Hrvata.* Knj. 1: Srednji vijek [*History of the Croats.* Vol. I: Middle Ages]. Zagreb: Školska knjiga Publ., 2003. P. 49–79 (in Croatian).
Budak, Neven. Identities in early medieval Dalmatia (7th–11th century), in Garipzanov, Ildar H.; Geary, Patrick J.; Urbańczyk, Przemysław (eds). *Franks, Northmen, and Slavs: Identities and state formation in early medieval Europe*. Turnhout: Brepols Publ., 2008. P. 223–241.
Budak, Neven. Tumačenje podrijetla Hrvata i najstarije povijesti Hrvata u djelima srednjovjekovnih pisaca [The interpretation of the origins and oldest history of the Croats in the works of medieval authors], in Budak, Neven (ed.). *Etnogeneza Hrvata* [*Ethnogenesis of the Croats*]. Zagreb: Nakladni zavod Matice hrvatske: Zavod za hrvatsku povijest Filozofskog fakulteta, 1995. P. 73–78 (in Croatian).
Budimir, Milan. Porfirogenit i naša narodna tradicija [Porphyrogenitus and our volk tradition], in *Glasnik Srpske akademije nauka*. 1949. Vol. I. No. 1–2. P. 243–245 (in Serbian).
Burić, Tonči. Perunovo brdo (monte Borun) — prilog poznavanju poganske slavenske toponimije u Kaštelima [Perun mountain (monte Borun) — a contribution to studies on pagan Slavic toponyms in Kaštela], in *Starohrvatska prosvjeta*. Ser. III. 2011. Vol. 38. P. 59–82 (in Croatian).
Burić, Tonči. Villa sancti Georgii de Putalio, in *Starohrvatska prosvjeta*. Ser. III. 1984. Sv. 14. P. 305–324 (in Croatian).
Bystrický, Peter. Longobardskí králi 488–572 [Lombard kings 488–572], in *Vojenska historia. Časopis pre vojensku historiu, muzejnictvo a archivnictvo*. Bratislava, 2007. Vol. 11 (2). P. 3–21 (in Slovak).
Curta, Florin. The making of the Slavs: Between ethnogenesis, invention, and migration, in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. № 2 (4). P. 155–172.
Dümmler, Ernst. Über die älteste Geschichte der Slawen in Dalmatien. (549–928.) [On the early history of the Slavs in Dalmatia (549–928)], in *Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Clasee der*

kaiserlichen Akademie der Wissenschaften [*Proceedings of the philosophical-historical class of the Imperial Academy of Sciences*]. Wien: W. Baumüller Publ., 1856. Vol. XX. P. 353–430 (in German).

Dzino, Deniel. «Stanovitsya slavyaninom», «stanovitsya khorvatom»: Novye napravleniya v issledovanii identichnostey pozdneantichnogo i rannesrednevekovogo Illirika [«Becoming Slav», «becoming Croat»: New trends in studies of identities of late antique and early medieval Illyricum], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. № 2 (4). P. 37–58 (in Russian).

Dzino, Danijel. *Becoming Slav, becoming Croat:Iidentity transformations in post-Roman and early medieval Dalmatia*. Leiden: Brill Publ., 2010. 272 p.

Dzino, Danijel. Local knowledge and wider contexts: stories of the arrival of the Croats in De Administrando Imperio in the past and present, in Dzino, Danijel; Parry, Ken (eds). *Byzantium, its neighbours and its cultures (Byzantina Australiensia 20)*. Sydney: Australian Association for Byzantine Studies, 2014. P. 89–104.

Dzino, Danijel. Novi pristupi izučavanju ranog hrvatskog identiteta [New approaches to studies on the early Croat identity], in *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest*. 2009. Vol. 41. P. 33–54 (in Croatian).

Dzino, Danijel. Pričam ti priču: Ideološko-narativni diskursi o dolasku Hrvata u *De administrando imperio* [Telling the stories: Ideological-narrative discources on the Croat migrations in *De administrando imperio*], in *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest*. 2010. Vol. 42. P. 153–165 (in Croatian).

Florya, Boris Nikolaevich. *Issledovaniya po istorii Tserkvi. Drevnerusskoe i slavyanskoe srednevekov'e* [*Studies on the history of the Russian church. Old-Russian and Slavic Middle Ages*]. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya Publ., 2007. 436 p. (in Russian).

Giejsztor, Aleksander. *Mifologiya slavyan* [*The Slavs' mythology*]. Moscow: Ves' Mir Publ., 2014. 384 p. (in Russian).

Gillett, Andrew. Ethnogenesis: A contested model of early medieval Europe, in *History Compass*. 2006. Vol. 4. P. 241–260.

Gillett, Andrew. Was ethnicity politicized in the earliest medieval kingdoms?, in Gillett, Andrew (ed.). *On barbarian identity: Critical approaches to ethnicity in the early Middle Ages*. Turnhout: Brepols Publ., 2002. P. 85–121.

Goffart, Walter. Does the distant past impinge on the Invasion Age Germans?, in Gillett, Andrew (ed.). *On barbarian identity: Critical approaches to ethnicity in the early Middle Agest*. Turnhout: Brepols Publ., 2002. P. 21–37.

Goffart, Walter. *The narrators of barbarian history (A. D. 550–800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon.* New Jersey: Princeton University Press, 1988. 512 p.

Grafenauer, Bogo. Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogeneta o doseljenju Hrvata [A contribution to the critical analysis of Constantine Porphyrogenitus's accounts on the arrival of the Croats], in *Historijski zbornik*. 1952. Vol. V. No. 1–2. P. 1–56 (in Croatian).

Grafenauer, Bogo. Vprašanje konca Kocljeve vlade v Spodnji Panoniji [The question of the end of Kocel's rule in Lower Pannonia], in *Zgodovinski časopis*. 1952–1953. Vol. VI–VII (Kosov zbornik). P. 171–190 (in Slovenian).

Guldescu, Stanko. *History of medieval Croatia*. The Hague: Mouton Publ., 1964. 351 p.

Hauptmann, Ljudmil. Dolazak Hrvata [The Croats' arrival], in *Zbornik kralja Tomislava (Posebna izdanja Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Knj. 17)* [*A collection of essays in honour of king Tomislav (Special editions of the Yugoslav academy of sciences and arts. Vol. 17)*]. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti Publ., 1925. P. 86–127 (in Croatian).

Hauptmann, Ljudmil. Koje su sile hrvatske povijesti odlučivale u vrijeme narodne dinastije [What forces of the Croatian history were decisive in the time of the national dynasty], in *Zbornik kralja Tomislava (Posebna izdanja Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Knj. 17)* [*A collection of essays in honour of king Tomislav (Special editions of the Yugoslav academy of sciences and arts. Vol. 17)*]. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti Publ., 1925. P. 165–187 (in Croatian).

Hauptmann, Ljudmil. Konstantin Porfirogenit o porijeklu stanovništva dubrovačkoga zaleđa [Constantine Porphyrogenitus on the origin of the population of Dubrovnik's hinterland], in *Zbornik iz dubrovačke prošlosti: Milanu Rešetaru o 70-oj godišnjici života prijatelji i učenici* [*A collection of essays on Dubrovnik's past: For Milan Rešetar on occasion of his 70th anniversary from their friends and disciples*]. Dubrovnik: Jadran Publ., 1931. P. 17–24 (in Croatian).

Hauptmann, Ljudmil. Mejna grofija spodnjepanonska [Lower Pannonian border county], in *Razprave znanstvenega društva za humanistične vede v Ljubljani.* 1923. Vol. 1. P. 311–357 (in Slovenian).

Hauptmann, Ljudmil. Podrijetlo hrvatskoga plemstva [Origins of the Croatian nobility], in *Rad Hrvatske akademije znanosti i umjetnosti*. 1942. Vol. 273. P. 19–112 (in Croatian).
Heather, Peter J. Ethnicity, group identity, and social status in the Migration period, in Garipzanov, Ildar H.; Geary, Patrick J.; Urbańczyk, Przemysław (eds). *Franks, Northmen, and Slavs: Identities and state formation in early medieval Europe*. Turnhout: Brepols Publ., 2008. P. 17–49.
Hedeager, Lotte. Cosmological endurance: Pagan identities in early Christian Europe, in *Journal of European Archaeology*. 1998. Vol. 3. P. 383–397.
Hedeager, Lotte. Migration period Europe: The formation of a political mentality, in Thews, F.; Nelson, J. L. (eds.). *Rituals of power: From Late Antiquity to the Early Middle Ages (The Transformation of the Roman World. Vol. 8)*. Leiden; Boston; Köln: Brill Publ., 2000. P. 15–57.
Hedeager, Lotte. The creation of Germanic identity. A European origin myth, in Brun, P.; Leeuw, S. Van der; Whittaker, C. (eds.). *Frontiéres d'Empire. Nature et signification des frontiéres romaines*. Nemours, 1993. P. 121–132.
Hobsbawm, Eric; Ranger, Terence (eds). *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 320 p.
Ivanišević, Milan. Otok hrvatskoga vladara [The Croat ruler's island], in *Tusculum*. 2008. Vol. 1. P. 109–124 (in Croatian).
Ivanov, Vyacheslav Vsevolodovich. K etimologii baltskogo i slavyanskogo nazvaniya boga groma [On the etimology of the Baltic and Slavic name of the deity of thunder], in *Voprosy slavyanskogo yazykoznaniya.* Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1958. Vol. 3. P. 110–111 (in Russian).
Ivanov, Vyacheslav Vsevolodovich; Toporov, Vladimir Nikolaevich. *Issledovaniya v oblasti slavyanskih drevnostey* [*Studies in the sphere of Slavic antiquities*]. Moscow: Nauka Publ., 1974. 342 p. (in Russian).
Izmaylov, Iskander Lerunovich. Srednevekovye bulgary: Etnopoliticheskaya i etnokonfessional'naya obschnost' [Medieval Bulgars: An ethno-political and ethno-confessional community], in *Istoriya tatar s drevneyshih vremen v semi tomah.* T. II. Volzhskaya Bulgariya i Velikaya Step' [*History of Tatars from the ancient times in seven volumes.* Vol. II. Volga Bulgaria and the Great Steppe]. Kazan: RuhIL Publ., 2006. P. 631–649 (in Russian).
Kalhous, David. *Anatomy of a Duchy. The Political and Ecclesiastical Structures of Early Přemyslid Bohemia*. Leiden; Boston: Brill Publ., 2012. 350 p.
Kasperski, Robert. Problem etnogenezy Gotów w ujęciu Herwiga Wolframa: Refleksje nad metodą [Problem of the othic ethnogenesis in Herwig Wolfram's interpretation: Reflections on the method], in *Kwartalnik historyczny*. 2011. Vol. 118/3. P. 399–430 (in Polish).
Kasperski, Robert. Teodoryk Wielki i Kasjodor. *Studia nad tworzeniem «tradycji dynastycznej Amalów»* [*Theoderic the Great and Cassiodorus. Studies on the formation of the «Amals Dynastic Tradition»*]. Cracow: Universitas Publ., 2013. 298 p. (in Polish).
Katičić, Radoslav. «Bog Hrvata» u Konstantina Porfirogeneta [The «God of the Croats» in Constantine Porphyrogenitus'], *Zbornik u čast Petru Skoku o stotoj obljetnici rođenja (1881–1956)* [*A collection of essays in honour of Petar Skok on occasion of the 100th anniversary of the birth-date*]. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti Publ., 1985. P. 237–247 (in Croatian).
Katičić, Radoslav. *Božanski boj — tragovima svetih pjesama naše pretkršćanske starine* [*The divine battle — tracing the sacred tales of our pre-Christian past*]. Zagreb; Mošćenička Draga: Ibis grafika: Odsjek za etnologiju i kulturnu antropologiju Filozofskog fakulteta Sveučilišta u Zagrebu: Katedra čakavskog sabora Općine Mošćenička draga Publ., 2008. 386 p. (in Crotian).
Katičić, Radoslav. Vetustiores ecclesiae spalatensis memoriae, in *Starohrvatska prosvjeta*. Ser. III. 1987. Vol. 17. P. 17–51.
Klaić, Nada. Marginalia uz problem doseljenja Hrvata [Marginal notes on the problem of the Croat migration], in *Hauptmannov zbornik (Razprave SAZU. Knj. V)* [*A collection of essays in honour of Ljudmil Hauptmann (Proceedings of the Slovenian academy of sciences and arts. Vol. V)*]. Ljubljana: SAZU, Razred za zgodovinske in družbene vede, 1966. P. 19–35 (in Croatian).
Klaić, Nada. *Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku* [*History of the Croats in the early Middle Ages*]. 2nd edition. Zagreb: Školska knjiga Publ., 1975. 595 p. (in Croatian).
Kleyn, Lev Samoylovich. *Voskreshenie Peruna. K rekonstruktsii vostochnoslavyanskogo yazychestva* [*Resurrection of Perun. An approach to reconstruction of East-Slavic pagan religion*]. St. Petersburg: Eurasia Publ., 2004. 480 p. (in Russian).

Košćak, Vladimir. O nekim pitanjima hrvatske povijesti u ranom srednjem vijeku [On some issues of the Croatian history in the early Middle Ages], in *Historijski zbornik*. 1984. Vol. XXXVII (1). P. 211–234 (in Croatian).
Kostromin, Konstantin Aleksandrovich. Proiskhozhdenie i funktsiya drevnerusskoy tserkovnoy desyatiny i zapadnoevropeyskie analogi [Origin and function of the old-Russian church tithe and West-European analogues], in *Drevnyaya Rus' vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh.* Almanakh [*Ancient Rus' in time, persons, ideas.* Almanach]. Issue 1. St. Petersburg; Kazan, 2014. P. 35–62 (in Russian).
Krause, Hermann Leopold. *Res Slavorum in imperiorum occidentalis et orientalis confinio habitantium saeculo IX.* Pars I [*History of the Slavs living in the neighbourhood of the Eastern and Western empires in the 9th century.* Part I]. Berlin: Typis Gustavi Schade, 1854. 56 p. (in Latin).
Kulišić, Špiro; Petrović, Petar Ž.; Pantelić, Nikola. *Srpski mitološki rečnik* [*Serbian mythological dictionary*]. Belgrade: Nolit Publ., 1970. 328 p. (in Serbian).
Lajoye, Patrice. There is no «Perun in the Caucasus»… but maybe an ancient Iranian thunder demon, in *Studia mythologica Slavica*. 2012. Vol. XV. P. 179–184.
Laušić, Ante. Pripadnost i uloga srednjovjekovnih Poljica u vrijeme hrvatskih narodnih vladara [Poljica's political status and role in the time of the Croatian national rulers], in *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest*. 1989. Vol. 22. P. 23–48 (in Croatian).
Levak, Maurizio. *Slaveni vojvode Ivana. Kolonizacija Slavena u Istri u početnom razdoblju franačke uprave* [*Slavs of duke Iohannes. The Slavic colonization in Istria in the early period of the Frankish rule*]. Zagreb: Leykam international Publ., 2007. 143 p. (in Croatian).
Liebeschuetz, Wolf. The debate about the ethnogenesis of the Germanic tribes, in Amirav, H.; Romeny, Bas ter Haar (eds). *From Rome to Constantinople:* Studies in honour of Averil Cameron. Leuven: Peeters Publ., 2007. P. 341–355.
Lončar, Miljenko. Porfirogenetova seoba Hrvata pred sudom novije literature [Porphyrogenitus' migration of the Croats in the discussion of modern historiography], in *Diadora*. 1992. Vol. 14. P. 375–448 (in Croatian).
Mayorov, Aleksandr Vyacheslavovich. *Velikaya Khorvatiya: Etnogenez i rannyaya istoriya slavyan Prikarpatskogo regiona* [*Great Croatia: The ethnogenesis and early history of the Slavs of the Carpathian region*]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2006. 209 p. (in Russian).
Marasović, Tomislav. Bijaći u svjetlu proučavanja ranosrednjovjekovnih vladarskih rezidencija [Bijaći in the context of early medieval royal resdences], in *Starohrvatska prosvjeta.* Ser. III. 1999. Vol. 26. P. 331–359 (in Croatian).
Margetić, Lujo. Bilješke u vezi s nastankom hrvatske države u 9. stoljeću [Notes on the emergence of the Croatian state in the 9th century], in Budak, Neven (ed.). *Etnogeneza Hrvata* [*Ethnogenesis of the Croats*]. Zagreb: Nakladni zavod Matice hrvatske: Zavod za hrvatsku povijest Filozofskog fakulteta, 1995. P. 144–147 (in Croatian).
Margetić, Lujo. Bilješke uz Trpimirovu ispravu (CD I, 3–8) [Notes on Trpimir's charter (CD I, 3–8)], in *Zbornik radova Pravnog fakulteta u Splitu*. 1993. Vol. 30. No. 1. P. 47–51 (in Croatian).
Margetić, Lujo. Konstantin Porfirogenet i vrijeme dolaska Hrvata [Constantine Porphyrogenitus and the date of the Croat arrival], in *Zbornik Historijskog zavoda Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti*. Zagreb, 1977. Vol. 8. P. 5–88 (in Croatian).
Margetić, Lujo. O Borni, vojvodi Gačana [On Borna, the duke of the Gachans], in Hoško, Franjo Emanuel (ed.). *Prošlost obvezuje: Povijesni korijeni Gospićko-Senjske biskupije*: Zbornik biskupa Mile Bogovića [*The past commits: Historical roots of the bishopric of Gospić and Senj*: A collection of essays in honour of bishop Mile Bogović]. Rijeka: Katolički bogoslovni fakultet Sveučilišta u Zagrebu: Teologija u Rijeci, 2004. P. 87–101 (in Croatian).
Margetić, Lujo. Povezanost strukture hrvatskog društva i političkih odnosa u srednjem vijeku (do pojave staleža) [The interdependence of the structure of Croatian society and political relations in the Middle Ages (before the emergence of estates)], in *Rad Hrvatske akademije znanosti i umjetnosti*. 2003. Vol. 487. P. 1–150 (in Croatian).
Margetić, Lujo. Ugovor Mletaka i italskih gradova contra generationes Sclavorum (840.) [The treaty of Venice and Italian towns contra generationes Sclavorum (840)], in *Historijski zbornik*. 1988. Vol. XLI (1). P. 217–235 (in Croatian).
Markotić, Vladimir. Ho ton Hrobaton Theos, Porphyrogenitus' God of the Croats, in *Mandićev zbornik.* U čast o. dra Dominika Mandića prigodom njegove 75-godišnjice života [*A collection of essays in honour*

of Dominik Mandić. In honour of Father Dr Dominik Mandić on occasion of the 75th anniversary]. Rome: Hrvatski povijesni institut Press, 1965. P. 11–37.
Marušić, Juraj Božidar. O poljičkim Tugarima u Trpimirovoj darovnici i supetarskom kartularu [On Poljica's Tugari in Trpimir's charter and St. Peter's cartulary], in *Crkva u svijetu*. 1974. Vol. 9. No. 1. P. 97–103 (in Croatian).
Matijević Sokol, Mirjana. 1150. obljetnica darovnice kneza Trpimira [1150th anniversary of duke Trpimir's charter], in Komšo, D. (ed.). *100 godina Arheološkog muzeja Istre u Puli: nova istraživanja u Hrvatskoj.* Znanstveni skup, Pula, 8.–12. listopada 2002. *(Izdanja Hrvatskog arheološkog društva. Knj. 25)* [*100 years of the Archaeological museum of Istria in Pula*: Latest research in Croatia. Conference, Pula, October, 8th–12th, 2002. *(Croatian archaeological society editions. Vol. 25)*]. Zagreb: Hrvatsko arheološko društvo Publ., 2010. P. 8–18 (in Croatian).
Milošević, Ante. Il bassorilievo altomedievale del cavaliere di Žrnovnica in Dalmazia [Early medieval relief of the horseman of Žrnovnica in Dalmatia], in *Godišnjak Centra za balkanološka ispitivanja ANUBiH*. Sarajevo, 2008. Vol. 37/35. P. 181–217 (in Italian).
Milošević, Ante. Karolinški utjecaji u Hrvatskoj kneževini u svjetlu arheoloških nalaza [Carolingian influences in the Croatian principality in the light of archaeological findings], in Milošević, Ante (ed.). *Hrvati i Karolinzi.* Dio I: Rasprave i vrela [*Croats and Carolingians.* Part I: Studies and sources]. Split: Muzej hrvatskih arheoloških spomenika Publ., 2000. P. 106–139 (in Croatian).
Milošević, Ante. Slika Božanskog boja — likovni i ikonografski pogled na konjanički reljef iz Žrnovnice u Dalmaciji [«Divine batle» pictured: Visual and iconographic view of the horseman relief from Žrnovnica in Dalmatia], in Pleterski, Andrej; Vinšćak, Tomo (eds). *Perunovo koplje* [*Perun's Spear*] *(Studia mythologica Slavica — Supplementa. Vol. 4)*. Ljubljana: Založba ZRC Publ., 2011. P. 17–72 (in Croatian).
Milošević, Ante. Tko je Porin iz 30. glave De administrando imperio? [Who is Porin from the 30th chapter of the De administrando imperio], in *Starohrvatska prosvjeta.* Ser. III. 2013. Vol. 40. P. 127–134 (in Croatian).
Milošević, Ante. *Tragovi starih vjerovanja u kršćanstvu ranoga srednjeg vijeka* [*Traces of ancient beliefs in early medieval Christianity*]. Dubrovnik; Split: Omega engineering: Centar «Studia Mediterranea» Publ., 2013. 240 p. (in Croatian).
Moisl, Hermann. Anglo-Saxon royal genealogies and Germanic oral tradition, in *Journal of Medieval History*. 1981. Vol. 7. P. 215–248.
Murray, Alexander C. Reinhard Wenskus on «ethnogenesis», ethnicity, and the origin of the Franks, in Gillett, Andrew (ed.). *On barbarian identity: Critical approaches to ethnicity in the Early Middle Ages*. Turnhout: Brepols Publ., 2002. P. 39–68.
Mužić, Ivan. *Slaveni, Goti i Hrvati na teritoriju rimske provincije Dalmacije* [*Slavs, Goths, and Croats in the territory of the Roman province of Dalmatia*]. 4th updated edition. Split: Biblioteka Iberia Publ., 1996. 528 p. (in Croatian).
Mužić, Ivan. Svetojurjevska problematika u Hrvata i sveti Juraj na reljefu crkve u Žrnovnici [The problem of Saint George in Croatia and Saint George on the church's relief in Žrnovnica], in *Starohrvatska problematika*. Ser. III. 2011. Vol. 38. P. 187–213 (in Croatian).
Omašić, Vjeko. *Povijest Kaštela: Od početaka do kraja XVIII stoljeća* [*History of Kaštela: From the beginnings to the end of the 18th century*]. Split: Logos, 1986. 416 p. (in Croatian).
Perić, Olja. Jezični slojevi Trpimirove isprave [Language layers of Trpimir's charter], in *Živa antika*. Skopje, 1984. Year 34. Vol. 1–2. P. 165–170 (in Croatian).
Petrukhin, Vladimir Yakovlevich. *«Rus' i vsi yazytsi».* Aspekty istoricheskikh vzaimosvyazey: Istoriko-arkheologicheskie ocherki [*«Rus' and all the races».* Aspects of historical interrelations: Essays in history and archaeology]. Moscow: Languages of Slavic culture Publ., 2011. 384 p. (in Russian).
Petrukhin, Vladimir Yakovlevich. *Mify finno-ugrov* [*The myths of the Finno-Ugrians*]. Moscow: Astrel'; AST: Tranzitkniga Publ., 2005. 463 p. (in Russian).
Petrukhin, Vladimir Yakovlevich. Problema proiskhozhdeniya drevnerusskoy desyatiny: «Vetkhiy zavet» i drevnerusskaya traditsiya [Problem of the origin of the old-Russian tithe: Old Testament and old-Russian tradition], in *Florilegium*: K 60-letiyu B. N. Flori [*Florilegium*: On occasion of the 60th anniversary of B. N. Florya]. Moscow: «Languages of Russian culture» Publ., 2000. P. 265–276 (in Russian).
Pleterski, Andrej. *Kulturni genom: Prostor in njegovi ideogrami mitične zgodbe* [*The cultural genome: Space and its ideograms of the mythical story*]. Ljubljana: Založba ZRC Publ., 2014. 408 p. (in Slovenian).
Pleterski, Andrej. Strukture tridelne ideologije v prostoru pri Slovanih [Structures of tripartite ideology among the Slavs], in *Zgodovinski časopis*. 1996. Vol. 50. No. 2. P. 163–185 (in Slovenian).

Pleterski, Andrej. The trinity concept in the Slavonic ideological system and the Slavonic spatial measurement system, in *Światowit*. 1995. Vol. 40. P. 113–143.
Ronin, Vladimir Karlovich. Franko-khorvatskie otnosheniya v traktate Konstantina VII Bagryanorodnogo «Ob upravlenii imperiey» [Relations between the Franks and Croats according Constantine VII Porphyrogenitus's treatise «De administrando imperio»], in *Vizantiyskiy vremennik*. 1983. Vol. 44. P. 60–67 (in Russian).
Rybakov, Boris Aleksandrovich. *Yazychestvo Drevney Rusi* [*Paganism of Ancient Rus'*]. Moscow: Akademicheskiy Proekt Publ., 2013. 805 p. (in Russian).
Rybakov, Boris Aleksandrovich. *Yazychestvo drevnikh slavyan* [*Early Slavs' Paganism*]. 2nd edition. Moscow: Nauka Publ., 1994. 608 p. (in Russian).
Shchapov, Yaroslav Nikolaevich. Tserkov' v sisteme gosudarstvennoy vlasti Drevney Rusi [Church in the system of the state power in Old Rus'], in *Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie* [*The Old-Russian state and its international significance*]. Moscow: Nauka Publ., 1965. P. 279–354 (in Russian).
Shchavelev, Aleksey Sergeevich. *Slavyanskie legendy o pervykh knyazyakh. Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie modeley vlasti u slavyan* [*Slavic legends on the first princes. A comparative-historical study of Slavic models of power*]. Moscow: Severniy palomnik Publ., 2007. 272 p. (in Russian).
Šegvić, Kerubin. *Gotsko podrijetlo Hrvata i kako nastade Hrvatska* [*The Gothic origin of the Croats and how Croatia emerged*]. Split: HKD Napredak Publ., 1997. 132 p. (in Croatian).
Šišić, Ferdo. Genealoški prilozi o hrvatskoj narodnoj dinastiji [Genealogical essays on the Croatian national dynasty], in *Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu*. 1914. Vol. 13. No. 1. P. 1–93 (in Croatian).
Šišić, Ferdo. *Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara* [*History of the Croats in the time of national rulers*]. Reprinted edition of 1925. Zagreb: Nakladni zavod Matice hrvatske Publ., 1990. 749 p. (in Croatian).
Smith, Julia M. H. Confronting identities: The rhetoric and reality of a Carolingian frontier, in Pohl, Walter; Diesenberger, Maximilian (eds.). *Integration und Herrschaft. Ethnische Identitäten und soziale Organisation im Frühmittelalter* [*Integration and Lordship. Ethnic identities and social organization in the early Middle Ages*]. Wien, 2002. P. 169–182.
Smith, Julia M. H. *Province and empire: Brittany and the Carolingians*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 257 p.
Todorov, Boris. Byzantine myths of origins and their functions, in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. № 2 (4). P. 64–72.
Tolochko, Aleksey Petrovich. *Ocherki nachal'noy Rusi* [*Essays on early Rus'*]. Kiev; St. Petersburg: Laurus Publ., 2015. 336 p. (in Russian).
Tolochko, Oleksij P. The Primary Chronicle's «Ethnography» revisited: Slavs and Varangians in the Middle Dnieper Region and the origin of the Rus' state, in Garipzanov, Ildar H.; Geary, Patrick J.; Urbańczyk, Przemysław (eds). *Franks, Northmen, and Slavs: Identities and state formation in early medieval Europe*. Turnhout: Brepols Publ., 2008. P. 169–188.
Třeštík, Dušan. Slavyanskie etnogeneticheskie legendy i ikh ideologicheskaya funktsiya [Slavic ethnogenetic legends and their ideological function], in *Studia Balcanica, 20. Rannefeodalnye slavyanskie gosudarstva i narodnosti* [*Studia Balcanica, 20. Early feudal Slavic states and ethnic groups*]. Sofiya, 1991. P. 35–42 (in Russian).
Třeštík, Dušan. *Mýty kmene Čechů (7.–10. století). Tři studie ke «Starým pověstem Českým»* [*Myths of the Czech tribe. Three studies on the old Czech tales*]. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2003. 292 p. (in Czech).
Urbańczyk, Przemysław. Slavic and Christian identities during transition to the Polish statehood, in Garipzanov, Ildar H.; Geary, Patrick J.; Urbańczyk, Przemysław (eds). *Franks, Northmen, and Slavs: Identities and state formation in early medieval Europe*. Turnhout: Brepols Publ., 2008. P. 205–222.
Urbańczyk, Przemysław. *Trudne początki Polski* [*Difficult origins of Poland*]. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego Sp. z o. o., 2008. 420 p. (in Polish).
Vansina, Jan. *Oral Tradition as History*. Madison: University of Wisconsin Press, 1985. 258 p.
Vasilyev, Mikhail Aleksandrovich. *Yazychestvo vostochnykh slavyan nakanune kreshcheniya Rusi. Religiozno-mifologicheskoe vzaimodeystvie s iranskim mirom. Yazycheskaya reforma knyazya Vladimira* [*Eastern Slavs' Paganism on the eve of the baptism of Rus'. Religious and mythological interrelation with the Iranic world. Prince Vladimir's pagan reform*]. Moscow: Indrik Publ., 1998. 328 p. (in Russian).

Voytovich, Leontiy Viktorovych. Karpats'ki horvaty v etnopitychnomu rozvytku Tsentral'no-Shidnoi Evropy rannyogo serednyovichcha [Carpathian Croats in the ethno-political development of early medieval Central-Eastern Europe], in *Ukraina v Tsentral'no-Shidnoi Yevropi (z naydavnishyh chasiv do kintsya XVIII st.)*. Kiev, 2004. Vol. 4. P. 105–132 (in Ukrainian).
Wenskus, Reinhard. *Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes* [*Tribal formation and political organization. The making of early medieval gentes*]. Köln; Graz: Böhlau Verlag, 1961. 656 p. (in German).
Wolfram, Herwig. Einleitung oder Überlegungen zur Origo Gentis [Introduction or considerations on Origo Gentis], in Wolfram, Herwig; Pohl, Walter (eds). *Typen der Ethnogenese unter besonderer Berücksichtigung der Bayern. Teil I* [*Types of ethnogenesis with special reference to Bavaria. Part I*]. Vienna, 1990. P. 19–34 (in German).
Wolfram, Herwig. Gothic history and historical ethnography, in *Journal of Medieval History*. 1981. Vol. 7/4. P. 309–319.
Wolfram, Herwig. Origo et religio. Ethnic traditions and literature in early medieval texts, in *Early Medieval Europe*. 1994. Vol. 3/1. P. 19–38.
Wolfram, Herwig. Origo et religio. Ethnic traditions and literature in early medieval texts, in Noble, Thomas F. X. (ed.) *From Roman Provinces to Medieval Kingdoms*. London; New York: Routledge Publ., 2006. P. 57–74.
Wolfram, Herwig. The image of Central Europe in Constantine VII Porphyrogenitus', in *Constantine VII Porhyrogenitus and his age*: Second International Byzantine conference (Delphi, 22–26 July 1987). Athens, 1989. P. 5–14.
Zaroff, Roman. Organized pagan cult in Kievan Rus'. The invention of foreign elite or evolution of local tradition?, in *Studia mythologica Slavica*. 1999. Vol. II. P. 47–76.